

смена

№ 10 МАЙ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

САННЫЙ СПОРТ—
ДЕБЮТАНТ
ЗИМНЕЙ
СПАРТАКИАДЫ.

ВИДЕТЬ СВОЙ ПУТЬ

С Героем Социалистического Труда
бригадиром электросварщиков
завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова
Вячеславом Васильевичем ПАЙЩИКОВЫМ
беседует специальный корреспондент «Смены»
Эдуард ДОЛОТ

Среди зрих залений, которые привнес в нашу жизнь третий, прошлый год пятилетки, одно из самых интересных — почин молодежи «Красного Сормова», где найдена эффективная форма организации социалистического соревнования. Почки уже приобрели всемознавчую известность, он одобрен VIII Пленумом ЦК КПСС и Советом министров.

Напомним читателю, что речь идет о молодых рабочих и комсомольско-молодежных коллективах, которые поставили перед собой цель — за 3,5 года добиться производительности труда, запланированной на конец пятилетки. В главе движения стоит заводской «штаб управления пятилеткой», возглавляемый В. В. Пайщиком, Героем Социалистического Труда, приславшийный электросварщиками, бригада которого опережает пятилетнее задание более чем на год.

О том, как «зубрь» «ударный отряд девятой пятилетки», рассказала на страницах нашего журнала заведующий отделом обикновенной Н. Леонидов, секретарь парткома завода «Красное Сормово». В Литаков (*«Смена» № 16 за 1973 год*). Продолжая с Героем Социалистического Труда Вячеславом Пайщиком.

— Если не возражаете, Вячеслав Николаевич, хотелось бы прежде всего о работе пятилетки в вашем цехе. В чем принципиальные новизны «ударного отряда»? Ведь ударицество — явление давнее, ему, как и социалистическому соревнованию, уже несколько десятилетий. Переполнение норм, борба за экономию и повышение производительности труда — в этом тоже, кажется, нет ничего нового. Что изменилось от того, что ударник стал называть себя членом «ударного отряда»?

— Разумеется, дело не только в назывании, хотя, естественно, и название новое родилось отнюдь не случайно. В нем была потребность. Ударник — слово обобщающее, собирательное, смысл его весьма широк. Между тем ударицество член старше, тем становится сложнее, и надо бы его как-

то дифференцировать. Вот, к примеру, работают рядом двое: один выполняет норму на 180, другой — на 105 процентов. Очевидно же, что уровень мастерства отнюдь не одинаковый, но название общее — ударник. Сама жизнь подсказывает, что система организованного социалистического соревнования должна предусматривать какую-то иерархию формальных отличий, какие-то ступени...

— Но ведь существует иерархия квалификационных разрядов. Кроме того, есть «лестница» образования: полное среднее, среднее, среднее специальное, высшее. Казалось бы, ступени вполне достаточно.

— Профессиональный уровень и уровень образования — это совсем разные определения уровня трудовой активности. Тут различные единицы измерения. У одного, к примеру, раздадут высокими, а дисциплина, как говорится на обе ноги хромает. Или еще раз: мы не встречали дипломированных лентяев, которые порвут норму полному рабочего дня в куряжке проскакивают! А с другой стороны, мы слышали и увидели, что в числе технических вспомогательных соревнований вдруг оказывается человек молодой, сравнительно неопытный, но зато полны энергии и задора. Вот, скажем, Виктор Модиев — мы с ним одни и то же профтехучилище окончили (ПГТУ-5, основной поставщик кадров для нашего завода), только я там учился лет на двадцать раньше. Ему 22 года. Токарь в механическом цехе, 3-й квалификационный разряд (и это он прошел с отличием экзамены). Как видите, ступенька по профессиональному счету невысокая, да вершина мастерства пока далека. Но на твой сравнительно недавной операции (отбочка валиков для двигателя), которая ему поручена, Виктор сумел добиться отличных результатов. Норму он поставил первым, показал, что продукция безусловно соответствует стандартам, профессионально класс пятилетки — за 4,5 года. И потому, что неминимо перестраивалась, покоренившись: он уже сейчас опережает задание более чем на шесть месяцев. Ему присвоено звание «Лучший молодой рабочий по профессии».

— Итак, лучший по профессии может и не быть лучшим по квалифи-

кации? Согласитесь, это как-то странно...

— Ничего тут нет странного. Профессиональные биографии индивидуальны: каждому растет и развивается по-своему. В чем-то опережает остальных, в чем-то держится на среднем уровне, а в чем-то, возможно, и отстает.

Это зависит от свойств характера? От способностей?

— И от способностей. И от обстоятельств. От многих причин... Расскажу еще об одном парне. Анатолий Барбабаш, 27 лет, доблестный инструктор цехового цеха. Работает великолепно, полторы-две нормы за смущает его норма. Обязательство: пятнадцать норм. И вот он, Анатолий, исполнит уложится в три с половиной. А вот в науках проводится помедальщики. Не правда, и в катак с малого: в армии уходил всего-то с шестью классами. Когда вернулся, восемьмилетку успешно одолел. И снова притормозил. Опять же семь, две машины, масса бытовых забоев... Но, говорит, в этом году твердая решка вернулась в вечернюю школу.

— Вероятно, свое решение он принял в «личном перспективном плане». Вообще, насколько я понимаю, «личные планы» членов «ударного отряда» представляют собой перечень намеченных рубежей, перечень обязательств...

— Но только. Киничка «личного перспективного плана» фиксирует и то, что уж доистинного. Это своего рода дневник для самоконтроля. Ну, и контроль для общественного конт-роля тоже...

— Пустяк. Но и план, и дневник контроля мог бы иметь каждый, независимо от того, состоит ли он в «ударном отряде» или нет.

— Что ж, вообще-то вы, наверное, правы. Однако мы исходим из сообщения реальности. Можно выдать книжечки «личных планов» всем, но не всякий, так сказать, индивидуум, способен на такое. Собственно, даже в принципе возможна «ударная отрядизация» в том, что по нашему мнению, в системе организованного социалистического соревнования существовал некий пробел. Судите сами. Основная работа у нас шла по тому направлению. Первое — «Ни одного отставшего рядом». Это шефство над нович-

ками, борьба за то, чтобы каждый молодой рабочийправлялся с нормой, чувствовал себя полновесным членом коллектива. Второе направление — прорыв к дальнему. И это заставляло называться «лучшими по производству». Наконец, третья, высшая ступень — соревнование за звание удараика коммунистического труда. Совершенно очевидно, что между первой и второй ступенями разрывы слишком велики, однако как раз в этом интервале, по-видимому, и преображается большая часть молодых рабочих. Ведь что происходит с полузаурядами? Всё получают зарплату на норму. Но если помнить, сколько у него удалено, не сразу осмыслишь, не хватает ли опыта. На этом этапе его личный рубеж сравнительно невысок — быть не хуже других.

— Вы полагаете, что стать лучше других — он и не помышляет?

— Может, и помышляет, но это мечта дальняя, тайная, о ней лучше помалкивать, чтобы не стала мечтой для всех. Но вот пришло нечто вроде мессии и первые трудности позади. Бурят взят — норму человека вспоминает, предстоит состязаться за звание «Лучший по профессии». Не слишком ли, однако, это тогда следующий рубеж? Только-только, можем сказать, опережая вышец, изпод опенки, по сиамам ли единоборство с чемпионом?

— А быть может, именно дерзть?

— Смелость, не подкрепленная силой и умением, берет только те гора-да, которые плохо защищены... У нас завод большой, оснащенный по последнему слову техники, соответствен-но и кадры подходит такие. Так что про-браться в число профайлантов очень не просто, уж поверьте. И она пока-залась, что многие молодые рабочие, добившись стабильной производительности в 105—110 процентов нормы, претендуют некий внутренний приз...

— Начинают хуже работать?

— Не хуже, но и не лучше. Пере-ходят на растя. Самоутвердятся и успо-косятся: я, мол, не хуже других, та-кой, как все, а большого мне и не на-до. Кто смолоду смиска с этой мыслью, тому живется легко, но зато и скучно же, я полагаю...

— Однако не человек не спешит чистолобов, если он скроется...

— Скромность — прекрасное качество. Но нельзя допускать, чтобы человек утратил стремления, потому что это уже не скромность, а пренебрежение к работе, к добру, к правде. Их предел, всегда есть новые идеи, новые рубежи. Вот рассказу нам про Алису Камаску. Что она, думаю, ее муж, — удивительного упорства люди. Работа, учеба, воспитание детей, — общественная деятельность, спорт — на все у них хватает времени и способности. Алиса после ПТУ начала слушать курсы по физкультуре. И вот ее ребёнка уже ждали, но для занятий не позволяла себе пропустить. А сейчас у них двое детей, однако это не помешало Алисе окончить техникум, Алиса же тем временем заканчивала четвертый курс института. Алиса стала мастером, ей присвоено звание удивительного труда и техники. И физкультурник Алиса скромно раз добивалась побед на профессиональных конкурсах, теперь ее возглавляет заводской совет новаторов. Она отличная лыжница, у него первый разряд по волейболу, второй — по легкой атлетике и настольному теннису, третий — по плазменной Самоделке, заставляя Алису учиться на высшем уровне. Алиса любит играть с мужиками на равных. Особая хоккейная премудрость (они таки самоделки, не в чём не хочет отстать!). В отпуске чета, прихватив с собой детей, отправляется в поход по Уралу (тут уже приужиной — любознательностью). Я говорю о предметах, вроде бы не имеющих отношения к производству, технологиям, науке. Но проявляется во всех сферах жизни, просто к слову пришелся этот гладкий пример. Человек может многое, стоит только захотеть...

— Мне пришло в голову, что, возможно, те, кто, как вы считаете, останавливается в развитии, на самом деле вовсе не тошащиеся от места. Видимо, это связано с тем, что человеческое выражение воли переносится в другую сферу. Учеба, техническаятворчество, спорт. И наиболее желанной целью становится уже не рост выработки на 20 или 30 процентов, а рост эрудиции или, скажем, спортивных результатов.

— Чем я бы хотел и так. Тем более очевидна необходимость как-то упростить излишние планы, чтобы помочь молодому человеку сконцентрироваться усилиями, чтобы не оказаться он одновременно и в голове колбозы и в хвосте. Вступление в «ударный отряд» пятилетки означает готовность бороться за более высокие рубежи во всем. По всему диапазону задач, стоящих перед производством и перед кадрами, впереди — это неизбежное и неизвестное. Притом это движение позволяет каждому его участнику наиметь посильные рубежи и подобрать примерно равного по возможностям соперника в соревнованиях...

— Вы говорили об иерархии в системе организаций соревнований, о ступеньках... Нет ли тут формализма?

— Ругать формализм в организации производственных соревнований стало своего рода модой. Но никакими, так сказать, вместе с водой выплесканием ребячика. Учит простых результатов — тоже формальность, во всяком случае, он предсматривает какое-то формальность. Но без этого нет ни победителей, ни покоренных, и, значит, нет, по-видимому, никакого соревнования. Так что формальность нужна, очень нужна, токсиконы, предупредительные формальности и четкое, неукоснительное их соблюдение.

— Хорошо, тогда говорим о нем не о них. Мне довелось встретиться с некоторыми из членов «ударного отряда», и вот что выяснилось: когда, каждый месяц и числа они вступали в отряд. По-видимому, это

событие ничем не отмечено, в цехе могли его даже не заметить.

— Вот тут я согласен. У нас еще есть одна проблема — как заставить в «ударном отряде» видеть публично, на глазах коллектива с затяжным обязательством личного имена. И формальные отлучки должны быть — удостоверение, которое вручается охотникам у всех на глазах. Но у нас почему-то таковы пустыни, как бланки удостоверений, присущие в пробле-

ме. График работы со «законом

республики». Отчиме «Штаб ударной вахты» и заводской комитет комсомола постоянно следят за тем, чтобы все привыкли приема в «ударный отряд» и контроля за выполнением обязательств строго соблюдались.

— Я видел несколько «личных плавников». Некоторые граффити так и не появились.

— Я же говорю, порядка не хватает. Движение с первых же шагов подвело мощную поддержку молодежи, и кое-кто из щековых комсомольских немовместо расстrelялся. Новое направление работы, методику прямо на ходу нащупывали... Но теперь уже есть опыт, наложенный контроль — дальше пойдет ровнее.

— Ну вот однажды я с «личных плавников» встал в этот раздел: требования узлника и заместителя директора профсоюзной организации, комсомольской организации. В этом разделе я вскоре видел одну и ту же стандартную запись: пропусти, моя, бесперебойно обеспечивать меня заготовками и инструментом. Стоило ли вводить целый раздел, чтобы получить серию зуардных призывов, улучшить морально-техническое обмажение? Ведь таких «призывов вообще», скажу вам, и прежде было предостаточно.

— Равняется, в этом разделе нужные не общие призымы, а конкретные предложения. Мы исходим из того, что если на сотню заполненных «личных плавников» придется хотя одна свадьба, продуманная претензия, то, как только эти свадьбы начнут встречаться, а не эти ожидания — вопрос спорный. Но при всех условиях такой раздел в «личных плавниках», по-моему, не лишний. Он поможет привлечь молодежь к участию в управлении производством. Другое дело — что надо было, вероятно, организовать обсуждение этого раздела «личных плавников» на собрании. Было бы интересно, чтобы под настроение способом высказывания и смело, и оригинально, и умно, а запись свою мысль стесняться или не умеет.

— Последний вопрос — о методике расчета производительности труда. Учет ведется в так называемых нормахах. Методика довольно сложная, как мне кажется. Формулы, таблицы, графики... Экономистов это, по-видимому, увлекает. А когда-нибудь, кроме них, увлекет.

— Всех увлекает. График — наглядное изображение твоего результата и прошедшего пути. Каждая точка — словно звезда. И намеченный рубеж уже не просто мяч, а что-то вещественное, к чему осталось только подогнаться. Человек должен видеть свою путь, свои ошибки и предстоящее. Он должен быть уверен в себе, наоборот, недоволен скоростью, с какой шагает. Неудача — не беда, на ошибках учатся, беда — безразличие, равнодушие к неудаче, вот что я вам скажу. Соревнование для того и существует, чтобы каждый из вас сформулировал задачу коллектива как свою личную задачу, как свою перспективу. Тогда работа становится самойенной частью жизни, становится смыслом чувственности. Мне, пожале, по-человечески жаль тех, кто равнодушно отбывает служебные часы, горемыки они... Шагай веселее, нарашивай темп, обогнай время — вот как я понимаю настоящую жизнь. Да не я один — все мы, входящие в состав «ударного отряда» девятой пятилетки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 10 [1128]
МАЙ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
БАКУРИАНСКИЙ САН-
НАЯ ТРУДА, ПОСТРОЕН-
НАЯ РУКАМИ ЭНТУЗИАС-
ТОВ, ПО ОБЩЕМУ МНЕ-
НИЮ ПРИЗНАНА ЛУЧ-
ШЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ.

Фото Анатолия БОЧНИНА
РЕПОРТАЖ «ВОЗВРАЩЕНИЕ
В МАРТ» на страницах
24-26.

2 ТВОЯ ПРОФЕССИЯ. ШКОЛЬНЫЙ ЗАВОД «ЧАЙКА».

12
К ДНЮ ПОГРАНИЧНИКА.
ПЕРВЫЕ С НАШЕЙ СТОРОНЫ.

16
ПОСВЯЩАЕТСЯ XVII СЪЕЗДУ
ВЛКСМ.
ОЗАРЕННОСТЬ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

XVII СЪЕЗД ВЛКСМ

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ».
НИЧЕГО НЕ ОСТАВАЛОСЬ, КАК ПОБЕДИТЬ...

РОМАН ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ
СЕБАСТЬЯНА ЖАПРИЗО
«ДАМА В АВТОМОБИЛЕ...»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. Б. Луцик [заместитель главного редактора], В. Г. Боденцов, Р. И. Рощинский, Е. И. Рабинов, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашянц

Технический редактор Н. И. Буднина

СМЕНА 1

Руслан ЛЫНЕВ, Виктор САКК (фото)

ПОИСК

3

начал, так:

— Ну, Ляксея, не молчи, сядь, шею. Помощь иди в лодки.

И пошел в лодки. Всё! К дальнейшему устройству судьбы миллионы Ляксеев государство имело то же касательство, что дед Каширин. Не приクト было тратить первые клянцы на такие мелочи.

Первое, что я забыл упомянуть, было решение проблемы лодок, выкинувших прежним обществом в лодки — чаще всего в бродяги, воры, проститутки, нищие, беспризорники.

Нынче у родителей, государства, школы заботы уже другого порядка. С одной стороны, надо бы уважить запросы молодого поколения по части транспортов, инженерно-техническим, здравоохранительным, краеведческим, научным сапожкам. С другой, как дать понять юношеству, что тот же криминал или магнитофон достаются не так: «Мама, что тебе жалко», — а иначе. Трудом. И не только таким, что всегда радость и наслаждение, а чисто профессиональное, обстоятельствами, доводами, сурваками. Что если, как вчера, девятьдесят выпускников будут только связывать свои представления о счастье исключительно с дипломом а не с высоким рабочим разрядом, то это чревато как раз несчастьем для многих из них и — связь тут прямая — потерями для страны.

Об этом я вспомнил лишь на словах, легко преобразить их в антислов. Надо, чтобы юные потребители кримпена, транзисторов и прочих благ сами в чем-то убеждались. И пораньше! Наука, школа, комсомол, исками и ищут разные методы для этого.

С одним из весьма интересных методов можно познакомиться, опустив пятак и доехав в метро до «Кахов-

ской». Там рядом увидите корпуса с надписью «Экспериментальный завод радиодеталей «Чайка»».

«Чайка» означает, что предприятие названо в честь В. Николаевской Терешковой. Экспериментальный — что здесь ищут, пробуют и что опыт «Чайки» (дестялетний!) пока еще не стал нормой. Школьный — что здесь работают школьники. За год на «Чайке» учатся 1500 человек, три из которых — выпускники старших классов, дающие девяты московских школ. Специально для ребят создано 376 рабочих мест. Остальные 355 мест предназначены взрослым. Девятинкассники работают в течение всего учебного года по одному дню в неделю. Он, включая изучение теории, лабораторные работы, практику, занятия часов. Девятинкассники трудятся здесь только первое полугодие. Их рабочий день еще короче — три часа.

Трудою говорю, «Чайка» взяла на себя централизованное проведение школьных уроков труда.

«Бирюзовый», — слышу я в этом месте убежденное выражение, склоняющееся к синему. Частично — и сам так думаю, потому, посмотрев и послушав, не убедился: на «Чайке» — и это самое главное — пошли дальше, чем на обычных уроках труда. На таких уроках в школе ребята учатся что-то делать. Здесь же, научившись, делают. Работают бригадами по формам. Выпускают производство, утверждают его спасением. Из труда, его наставки и количества оцениваются, во-первых, по школьной пятибалльной системе, и итоговая оценка идет в аттестат, во-вторых — это тоже существенно — в дневниках, в рубликах и копейках. Предприятие на хорасчете. Какие же это бригады?

Послушаем поближе. Пройдем сначала на четвертый этаж. Здесь цех радиодеталей. Это не «как настоящий» цех, а самый настоящий, где весь процесс разбит на операции — от простейших до окончательного укомплектования радионабора «Мальчиши». Мальчишки, которым папы купят этот набор за семь целиков, получат удовольствие: соберут настоя-

щий транзисторный приемник. Для них это отличная игра. Для одетых в белые халаты шестнадцатилетних — это работа. Есть необходимость получить не игрушечный — реальный разряд (быстро), когда не других заводах разряд, выданный «Чайкой», не желают принять всерьез, но это поздно! Есть не игрушечные, а реальные контроль за качеством, себестоимостью, разработкой, визуальной. Есть не игрушечные члены Фирмы, продукции которых идет в сто с лишним городов страны и за рубеж.

На третьем этаже цех электротехнических изделий. Его продукция — электромоторики, идущий, согласно договорам, на заводы где делают детские электронные игрушки. Кстати, когда «Чайка» выделилась в самостоятельное предприятие, рижане пожелали иметь ее своим постоянным поставщиком: в этом виде продувки школьники допускают меньше брака, чем взрослые.

«ЧАЙКИ»

И опять же очевидная истинка: одно дело проходить в школе практика левой и правой руки, практика работы с инструментами. Совсем другое — самому собрать не одну сотню двигателей, досконально изучить каждую деталь, операцию. И разработать план по настроению. Но вот его план:

На сборке я познакомился с девятиклассником 546-й школы Володей Поликашинным. Он откровенно признался, что работа его увлекла, удивляла, вдохновляла, насторожила. И разработал Володя по настроению. Но вот его план:

Хочу после школы пойти на завод. Но не по этой специальности, — кинул на свое рабочее место, а нужна ему такая, где надо «большие головы работать». Отец у Володи братчики, студенты университета. Вот и надо помогать им. Правда, специальность Володя не выбрал: — Успею еще...

Речь, положим, еще не вполне мужская. Но уже и не того мальчика,

который связывает нежные мечты с аквариум-бибюлью «узоч», с напльвой должностью, с тем, что — об этом некоторые сверстники Володи прямо говорят — папа или мама устроят их в КБ, НИИ, и потому работа на «Чайке» для них — «обычные номера».

Ну, мне пора, — буднично вздохнул Володя и занял место за столом.

В другом конце цеха в говорил с мастером производственного обучения А. Ф. Скрипником. Ему опять-таки в порядке пробы поручили заниматься с особой группой ребят восемь-девятиниками, которые, согласно новому порядку, окончив восемь-девятку, будут поступать в профтехникумы и колледжи. Башней частью это «струдники» ребята. Вот и решили их послать на «Чайку».

Александр Федорович как раз подводил итоги их работы за первое полугодие в рублях и в балах. И выяснило, что изготавливением контактной колодки его питомцы занимаются с

на школьном за-
воде «Чайка» ра-
ботают ЕРИГАДАМЫ,
ПО НОРМАМ ВЫПУС-
КАЮТ ПРОДУКЦИЮ,
УТВЕРЖДЕННУЮ ГОС-
ПЛАНОМ.

близким приложением, чем школьной наукой.

Конечно, — сдвинув очки на лоб, усмехнувшись, — мастер — мне было бы легче с ребятами, будь мне не шестьдесят, а сорок, ну, пятьдесят лет. Учителя предсторегли: «Они вам все первернут», — а ребята работают. Иногда даже просят разрешения остановиться.

Директор завода, В. Ф. Карманов объясняет этот парадокс так:

— В школе ребята только учатся думать, а в колледже решают проблемы недором сейчас: в школе передходят на проблемное обучение: проблемы дисциплинируют!

На втором этаже швейный цех. Его изделие — гарнитур для кукол — можно купить в «Детском мире». За разработку и освоение этой продукции цех получил премию Всесоюзной торговой палаты.

Стоп! Деловой гул машин. В своем сочинении о работе на «Чайке» одна

девушка про этот самый гул написала так: «Они раздражают. Я стала нервозной». На вопрос, помогла ли работа на «Чайке» расширить кругозор, она написала: «Вопрос по своему существу к дому не относится». В ответе на третий вопрос, повлияла ли работа на третий вопрос, повлияла ли работа на заводе на отношения в коллективах, девушка тоже не склонилась к сентиментам: «Труд на заводе не имеет и только отвлекает от учебы».

Не берусь рассуждать, что ждет эту девушку в жизни. Вместо этого хочу споставлять ее ответы с другими.

«Когда видишь готовый комплект, то радуешься, что он сделан твоими руками и что какой-то ребенок одевал куклу в этот костюм, будет радоваться. Я выбрали профессию врача.

Хочу всегда внедрять такую же чистоту, как в нашем классе («Чуткии Наташа»). Я буду учиться (549-й класс).

«Я стала понимать, что труду швеи не легкий, но он приносит радость. Я стала больше уважать труд других. Дома помогаю бабушке — шью (Самойленко Любовь, школа № 549).

«Как-то по-другому стала смотреть на людей. Находить в них больше хорошего. Стала более выдержанной, терпеливой» (Сашина Татьяна, школа № 549).

«Я стал уважать свою мать, стал понимать, как она устает на работе», — вспоминает выпускница школы № 516 Бумакин.

«Нравственность поставленного дела», — отвечал выпускник 855-й школы Молчанин А.

Буринцов Виктор из 1161-й был столь же краток: «Рад, что делаю полезное дело». «Даешь я первым увидеть токарный станок и побояться карточного деда», — отвечал выпускник Анатолий, выпускника 563-й школы.

Ими обратились к пожеланиям. Надя Макоткина, школа № 533: «Хоть бы мы, чтобы учащиеся могли соревноваться не только с собой, но и с большими заводами, чтобы не оставаться в стороне от трудовых починов... а еще чтобы ребятам было легче найти работу на станках», — втотрицайт а выпускница школы № 538 Борис Макаров.

Вот какой разный резонанс от гула машин на «Чайке»: то-глаза-благодаря этому гулу легче преодолевают барьер при вступлении в большую жизнь, в кого-то же гул толкает к жадности, от «чайки» свирепствующего гула этот усиливает предубеждение против чисторабочей работы.

Так же, чего доброго, скажут, социальная и профессиональная средо-ориентация, а не ориентация. Нет, уважаемые, дезориентация — это когда знакомство молодежи с будущим делает ее недовольной жизнью, карьерой, когда молодого человека показывают лица приятные стороны предлагаемой специальности, не соотнося ее с его способностями. Тогда и к выбору профессии он относится потребительски.

На «Чайке» же его интересует, скажут, социальная и профессиональная средо-ориентация, а не ориентация. Нет, уважаемые, дезориентация — это будущим делает ее недовольной жизнью, карьерой, когда молодого человека показывают лица приятные стороны предлагаемой специальности, не соотнося ее с его способностями. Тогда и к выбору профессии он относится потребительски.

На «Чайке» же его интересует,

стремление к честному труду, к естественным трудностям работы на производстве. Это помогает в сочетании с профориентацией выбрать или отвергнуть профессии более осознанно, пусть пышим ошибок, но еще пока не столь опасных, как в возрасте более зрячим.

Но спасите никого на первых этажах. Здешние педагоги и сама администрация Федя работают с лабораториями, брошировщиками, стоят у печатных станков. Печатная продукция «Чайки» — не только собственные рекламные проспекты, но и заказы других предприятий. И пусть не все рабочие этого цеха выберут профессию печатника. Умение читать учебники, журналы — это не обходимо...

Если в проходящих нами цехах — ученических — взрослые — работают мастерицы, начальники цехов, их заместители по воспитанию, то, осенью эта часть завода исключительно взрослых. Этим прежде всего цех, где сосредоточены участки экспериментальной, генеральной и ремонтной линий, складов и других, во которых положено работать только взрослым.

— Совсем без них подстраживали все-таки нильзя, — объяснил мне. Тогда я спросил:

— Что значит подстраживать? Уж не приходится ли взрослым во время каникул брать на себя дополнительные нагрузки?

— Не приходится. Просто на лето «Чайка» входит в период, когда снимают выставки, выдачу продукции. Наши смекачи об этом предупреждены.

И еще сказали: за прошлый год «Чайка» отчислена в бюджет государства полмиллиона чистой прибыли. Так что у большой промышленности есть, что она не сидит в долгу и ее директору не приходится краснеть на балансовых комиссиях.

Разумеется, чистая прибыль могла быть больше, но в здешней структуре «Чайки» не было звеньев, которых нет на других предприятиях. Ведь, помимо обычных заводских служб, «Чайка» нужно содержать больший, чем на обычном заводе, штат мастер-

ров производственного обучения. Да еще немалый штат воспитателей. Но бывший директор «Чайки» Доминик Гардинер, в котором заняты до 500 школьников средних и младших классов и который с его штатом, оборудованием, ежегодными выставками творчества ребят обходится «Чайке» ежегодно в двести тысяч рублей. Плюс расходы на подощенский детсад — 60 тысяч рублей. Сюда же прибавляют ежегодно присыпающие из фонда предприятия затраты на организацию поездок в Прибалтику, на Кавказ, Украину, за рубеж. Какая школа за счет может позволить себе такое?

Поэтому: редко кого из ребят заставляет работать на «Чайке» материнская нужда. И уж конечно, никаких материнских симпатий не хватает средств для таких поездок. Так вот, организуя поездки, «Чайка» использует подводят ребят к мысли: **таков закон социалистического предпринятия — заботиться о своих рабочих.** У предприятия в этом смысле возможностей даже больше, чем у самых высококвалифицированных мам и пап. Но его забота о тебе, в отличие от маминой и папиной, не даровая, а зависят от своего трудового вклада.

Как возникла «Чайка»?

В конце пятидесятых годов телевизионный директор «Чайки» В. Ф. Карманов, человек с высшим педагогическим и юридическим образованием, с богатым и разнообразным жизненным опытом, работавший на разных заводах микропроцессоростроения, где тогда запечатлен методом проходки практику группы московских школьников. Порочность этого метода, когда рабочие не могли как следует ни выполнять план, ни заниматься со школьниками, казалась ему настолько очевидной, что он решил официально добиваться его упразднения и создания примерно того, что мы сегодня видим на «Чайке». И его ходатайству присоединились некоторые видные ученые. В конце 1963 года «Чайка» была создана.

Было: передавали «Чайку» из ведомства в ведомство, отказывали в оборудовании, оплате дополнительных расходов, в финансировании. В первую очередь закрывали. Тщетно Карманов и его заместитель по воспитанию П. И. Рогалъ доказывали, что сотрудничество педагогов с экономикой возможно и необходимо...

Самый трудный момент «Чайку» поддержал ЦК комсомола. Ее передали в распоряжение управления кадров Мингорисполкома. В этой системе было на все деньги.

Теперь «Чайка» живет особенно не на что. Система отламки, сформировалась стабильный коллектив рабочих, инженеров, воспитателей — энтузиастов своего завода и дела, которые он делает. Экономика привела к тому, что «Чайка» выживает. Каждый год 17 марта на «Чайке» проходит соревнование по званию лучшего по профессии. К нему прурочен день открытых дверей. На него приглашают родителей. И из них многие только теперь узнают, что это за «Чайка» такая. И начинается: «Ну вот таких слов в русском языке, что бы выражать благодарность».

Когда я спросил у учителя о «Чайке» тоже с немалым сподзином. А знаем мы с ней, вспомнила, как пручились к труду школьники лет двадцать назад. Нас, девятнадцатицких, на целый месяц возвели убрать картошки. Честно говорю, не так уж нам нравилось выпакивать «сторой хлеба» и погружаться в грязь, в пот, тем более на нарах в сырром бараке. Но вот прошло уже немало лет, а я ни разу не пожалел о том, что испытал тогда. И, думаю, никто не пожалеет.

Тогда еще не пришло время таких предприятий, как «Чайка».

Наука — производству

Алексей АСОСКОВ

АКЦЕНТ НА ВНЕДРЕНИЕ

В 1724 году, ровно 250 лет назад, была основана Академия наук, давшая жиры таких великих ученых, как Ломоносов и Пирогов, Бобковский и Бургевор, Сеченов и Менделеев, и многих других. Труды этих ученых спасали, зажигали, дореволюционную науку и науку СССР — хотя бы по масштабам исследований. Назовем только одну цифру: в нашей стране труды ученых, а также научных соединений! И половина из них — холода.

Пожалуй, ни в одной стране мира не отсутствуют такие бережно к молодым ученым, как в нашей стране. И это неизвестно, будущее нашей науки.

Научно-технические конструкторские бюро, союзы, студенческие конструкторские бюро, советы молодых ученых — это только несколько из множества форм работы с научной молодежью. Своими журналами рассказывают о молодых ученых Белоруссии, о том, как они претворяют в жизнь формулу «наука — производство».

Наука разворачивается, как гамак: бывает не быть. Бывает новое изобретение жить и не будет. Будет ли оно внедрено в скользкие сроки или выйдет на пенсию, так и не начав трудовой деятельности. Собственно, все то, что я говорю, далеко не наше. Нельзя сказать, что все и наше. Там. Экономические реалии вынуждают вернуться к тому, что было в большом количестве. Но если на это и хочу обратить ваше внимание... Считать рубль предпразднственным эффектом не необходимо, но они не могут быть единственным аргументом, способным пробить дверь новшеству. Слишком ориентированы эти подсчеты, неосознаны, чтобы по моти

в к уж эта заслуга научной эффективности науки. Высчитать сколько рублей прибыли дает наука, сколько сможет дать через год, два, десять лет, означает очень многое, если не все. От этого зависит, какой будет наука в ближайшей и отдаленной перспективе. Но не только как экономическая эффективность определяется научная судьба институтов, лабораторий, а вместе с ними каждого отдельного научного сотрудника.

Почему эффективность заслуженная?

Чтобы понять это, достаточно несколько дней побытать в образце Аргуты Петровича Чайловцева, начальника отдела гидравлики Академии наук Белорусской ССР. Его работа отличается характером, определенным от этой проблемы, ежедневно терзающей его, не становится легкой.

Научные исследования привыкли делить на три категории: фундаментальные, прикладные и практические. Белорусская наука развиивается по всем направлениям. А ее внимание обращено на прикладные работы, имеющие прямой выход в производство. И это неизвестно, будущее труда, прибыль и полученный чистый эффект. Это не фундаментальные исследования, где перспективы экономической отдачи покрыты зачастую густым туманом. Здесь как будто все ясно.

Оказывается, ясно далеко не все.

Основная неиспользованность — это портфель лабораторий, когда рабочие успевают завершить. Начинается дорога к успеху всегда трудной проблемой. Работы по проекту ищются в воздухе между исследовательским институтом, который ее породил, и предприятием, которое, пребывая в тисках плана, не приходит в мосторг от холода и перспективы внедрения.

Артур Петрович Чайловецкий говорит так, что чувствуется: наше разворачивание залогирует его за живое: быть не быть. Бывает новое изобретение жить и не будет. Будет ли оно внедрено в скользкие сроки или выйдет на пенсию, так и не начав трудовой деятельности. Собственно, все то, что я говорю, далеко не наше. Нельзя сказать, что все и наше. Там. Экономические реалии вынуждают вернуться к тому, что было в большом количестве. Но если на это и хочу обратить ваше внимание... Считать рубль предпразднственным эффектом не необходимо, но они не могут быть единственным аргументом, способным пробить дверь новшеству. Слишком ориентированы эти подсчеты, неосознаны, чтобы по моти

казательно абсолютно реальными, хотя и не столь эффективными: памяи прибыли, памяи реализации и т. д. Поставьте себя на место директора завода, и вам станет ясно, о чём я говорю.

— Конечно, — соглашаются я, — наука, даже прикладная, всегда движется вперед, в той или иной степени на опушке. Такова ее специфика. Нечем компенсировать издержки, так как неопределенности?

— Вот тут к экономическим различиям добавляются рычаги общественности. Их место. Здесь я иначе скажу: есть земля, начиняется от руководителя и кончается рабочим. Здесь и жаждет нового и желание работать на высоком уровне. Здесь партийный и комсомольский долг. Поверьте мне — я давно занимался своим делом, — при налаженной организации эти рычаги становятся архimedовыми.

На другой день Артур Петрович Чемышев делал доклад на президиуме Белорусской академии наук о ходе внедрения в производство новых типов инструментов для обработки различных материалов. Мне запомнилось несколько слов о разработанном в Физико-техническом институте методе ротационного резания. Только по электромашинстроению он дал годовой экономический эффект около 2,5 миллиона рублей, а в этом году, судя по всему, цифра угронится.

Ротационное резание — только один пример из обширного доклада. В нем подчеркивалась большая роль комсомольских организаций институтов, советов молодых ученых. Но это исключительно интересные образцы. С советов молодых ученых институтов под присмотром комитетов комсомольских организаций создают сектора внедрения. И тут разгорается сыр-бор. Миниатюра с треском раскололась пополам. Одни, возглавляемые секретарем Петром Прокофьевым, энергично отстаивают сектора внедрения. Их самым весомым аргументом стал опыт физики, пусть пока небольшой, но опытный. Другие, струпнувшись вокруг его заместителя, выступают против идеи внедрения. Они расходятся, как будто бы легкотяжелые. У советов молодых ученых есть обширный круг обязанностей, которые замыкаются на направлениях, до сих пор считавшихся главным в работе советов. Это прежде всего помощь молодым ученым в преодолении трудностей научного становления, создание благоприятных условий их творческой деятельности. На практике это всегда проявляется в виде организации конференций молодых ученых, лекций, коллективных обсуждений научных задач. Спору нет, все это полезно и необходимо. Но введение в производство, со временем не может протекать одинаково бурно по всем элементам деятельности. Всегда есть нечто самое важное, что должно стоять перед глазами, что способно разжечь у ребят истинный интерес, вдохновить и подтолкнуть. Наконец, разве не важно, чтобы советы, а вместе с ними комсомольские организации институтов привнесли прямую материальную пользу?

Споры на тему, что может быть сектором внедрения, — это бесконечная побудительная стимулами Петра Прокофьевом. Об осторожности, шиншиникошикою конфликта свидетельствует факт, что лидер «оппозиции», заместитель секретаря, в итоге подал в отставку.

Предмет деятельности каждого института специфичен: тут и математика, и биология, и физика. Уже поэтому не существует шаблона в организации работы секторов внедрения. «Твори, выдумай, пробуй». К примеру, в институте физико-органической химии сектора внедрения начали с агитпроецией по сюжетам областей.

Для каждого сектора, для каждого из четырех институтов, разработан метод обогащения грубых кормов, так называемый метод гидролиза. Грубообъемное, сено, веточная масса, камши — все это практический малополезно для скота. Однако если грубый корм подвергнут химической обработке, то разрывов появляются не только вкусовые качества, но и питательность кормов.

А сделать химическую обработку просто. Измельченный грубый корм закладывают в деревянный чан и заливают слабым раствором солной кислоты, закрывают крышкой и, нагната в чан пар, проводят гидролизную варку. В результате происходит разрушение клеточных стенок. Измельченный материал, образуется некоторое количество сахара. Их может быть от 5 до 20 процентов, в зависимости от степени измельчения исходного сырья, температуры, продолжительности варки, концентрации кислоты.

Простота, эффективность метода очевидны. Он был описан в нескольких статьях, опубликованных в специальных научных журналах. Но упомянули в газетах, но все равно он затянулся почти бесследно. Лишь в нескольких хозяйственных журналах начали применять новый метод.

И вот однажды, в один из первых дней в составе делегации Котловского промзала группы молодых людей. Как вскоре выяснилось, то были не артисты из города, а научные сотрудники Минского института физико-органической химии АН БССР. Однако «представление» состоялось, оно вызвало большой интерес, тем более иной концепт.

Движимый любопытством, народ собрался прямо на животноводческой ферме. Сначала Люда Потоцкая прочитала лекцию о научных основах гидролизной варки. После чего здесь же вместе со своими коллегами она продемонстрировала свой отпечаток, требует учета и, ест-

ле необходимого, внесения корректировки. Задача вырастает в многосложную, где научная мысль должна идти рука об руку с практическим опытом. Активности одних представителей института на заводе становится недостаточно.

Приходит совет молодых ученых физики из единомышленников на завод. Тут и рассудил по-житейски. Кому, как не заводскому комитету комсомола, знать, на каком месте опираться? Секретарь комитета, вместе с инженерами-изобретателями, вместе взамен за работу. Отсюда начались серьезные научные интересы нескольких молодых инженеров завода. Сейчас они аспиранты-заочники физики, ведут дальнейшие разработки метода ротационного резания, который внедряется на БелАЗе, на Московском электромеханическом заводе имени Ильича.

Уже были успешны физики с ротационным решением, когда в комитете комсомола Академии наук Белоруссии было создано подразделение по внедрению новых технологий. Снова вспоминаются слова Петра Прокофьевого, энергично отстаивавшего сектора внедрения. Их самым весомым аргументом стал опыт физики, пусть пока небольшой, но опытный. Другие, струпнувшись вокруг его заместителя, выступают против идеи внедрения. Они расходятся, как будто бы легкотяжелые. У советов молодых ученых есть обширный круг обязанностей, которые замыкаются на направлениях, до сих пор считавшихся главным в работе советов. Это прежде всего помощь молодым ученым в преодолении трудностей научного становления, создание благоприятных условий их творческой деятельности. На практике это всегда проявляется в виде организации конференций молодых ученых, лекций, коллективных обсуждений научных задач. Спору нет, все это полезно и необходимо. Но введение в производство, со временем не может протекать одинаково бурно по всем элементам деятельности. Всегда есть нечто самое важное, что должно стоять перед глазами, что способно разжечь у ребят истинный интерес, вдохновить и подтолкнуть. Наконец, разве не важно, чтобы советы, а вместе с ними комсомольские организации институтов привнесли прямую материальную пользу?

Споры на тему, что может быть сектором внедрения, — это бесконечная побудительная стимулами Петра Прокофьевом. Об осторожности, шиншиникошикою конфликта свидетельствует факт, что лидер «оппозиции», заместитель секретаря, в итоге подал в отставку.

Предмет деятельности каждого института специфичен: тут и математика, и биология, и физика. Уже поэтому не существует шаблона в организации работы секторов внедрения. «Твори, выдумай, пробуй». К примеру, в институте физико-органической химии сектора внедрения начали с агитпроецией по сюжетам областей.

Для каждого сектора, для каждого из четырех институтов, разработан метод обогащения грубых кормов, так называемый метод гидролиза. Грубообъемное, сено, веточная масса, камши — все это практический малополезно для скота. Однако если грубый корм подвергнут химической обработке, то разрывы появляются не только вкусовые качества, но и питательность кормов.

А сделать химическую обработку просто. Измельченный грубый корм закладывают в деревянный чан и заливают слабым раствором солной кислоты, закрывают крышкой и, нагната в чан пар, проводят гидролизную варку. В результате происходит разрушение клеточных стенок. Измельченный материал, образуется некоторое количество сахара. Их может быть от 5 до 20 процентов, в зависимости от степени измельчения исходного сырья, температуры, продолжительности варки, концентрации кислоты.

Простота, эффективность метода очевидны. Он был описан в нескольких статьях, опубликованных в специальных научных журналах. Но упомянули в газетах, но все равно он затянулся почти бесследно. Лишь в нескольких хозяйственных журналах начали применять новый метод.

И вот однажды, в один из первых дней в составе делегации Котловского промзала группы молодых людей. Как вскоре выяснилось, то были не артисты из города, а научные сотрудники Минского института физико-органической химии АН БССР. Однако «представление» состоялось, оно вызвало большой интерес, тем более иной концепт.

Движимый любопытством, народ собрался прямо на животноводческой ферме. На глазах у изумленной публики коровы с аппетитом склевали тот самый корм, от которого отказывались в самые голодные зимы. Надо ли говорить, что после этого новый метод занял прочные позиции в аграрном животноводстве сояхом. Вот уж поистине лучше одно увидеть, чем сто раз прочитать.

Ученики начали окраину деревни. Маршрут пролегал через Лепешинскую, Плуцкую, Червеньскую, Борисовскую районы республики. И сколько — неизменный успех. Подметали ребята и другую душу: там, где они побывали, животноводы как бы повернулись лицом к науке. Чаще стали интересоваться новинками научно-производственной литературы, творчески подходить к применению научных достижений в конкретных условиях хозяйств.

Тем временем агитбригада института все шире расширяла свое действие. С походами-своевидными сквозняками, где побывала агитбригада, устанавливались теплые связи. В ходе внедрения нового метода у животноводов возникает множество вопросов. Регулярно на месте ставят выездные консультации. Комиссия из лаборатории Т. Колозова и заведующий доктор химических наук А. И. Скригин теперь частые и желанные гости в сюжетах «Краснооктябрьский», Плуцкого района, где при их консультациях строятся производственные установки для обогащения грубых кормов. В ходе консультаций гостя тут же предлагают ознакомиться с оказанием помощи приобретении кислоты, в строительстве установок. Ученые из всех сил стараются помочь своим корреспондентам.

Становление секторов внедрения протекает прямотаки день от дня. Кое-как сектора перестраиваются в организационные рамки. Например, у математиков это выльялось в создание академического штаба по внедрению вычислительной техники. Всем известно, какое серьезное внимание уделяется разработке и внедрению автоматизированных систем управления. В ходе консультаций на III Пленуме ЦК комсомола Белоруссии была принята программа штабства над созданием и использованием АСУ. За этим последовали реальные дела. АСУ — это прежде всего использование вычислительной техники в управлении народным хозяйством. А вычислительная техника порождает проблему дефицита программистов. По инициативе комсомольского бюро при институте математики созданы школу подготовки кадров по вычислительной технике и школу, в которую браутятся подростки политехнических и инженерно-технических сотрудников белорусских институтов и предприятий. Но и этого оказалось мало. Вслед за дефицитом программистов обнаружился острый дефицит в операторах для ЭВМ. В институте математики быстро организуются кружки по подготовке операторов. Выпускники кружков, получив подготовку, возвращаются на свой завод. Так комсомольский институт помог завоевал имя Ванюшки Минского часовому.

Кроме подготовки программистов и операторов, у штаба по внедрению вычислительной техники множество других задач. Их решают в первую очередь операторы, тут и работа в минской специализированной школе, где вместе с астматом зрестью выпускники вращаются удостоверение математиков-программистов, и многое другое.

— Разумеется, все то, о чем вы узнали, делается на общественных начальцах, — поясняет Петр Прокофьев.

Пожалуй, ему, как никому другому, видны результаты деятельности секторов внедрения, а главное, их перспективы. Петр с улыбкой вспоминает жесточайшие споры о том, что сейчас очевидно. Каких-нибудь года два назад в некоторых институтах, в том числе и в нашем, вспыхнула страшная схватка за вычислительную технику. Помнился мне, что вспыхнула из-за того, что всплыла новая форма работы. Принято видеть теперь, что такие чрезвычайные методы в конечном счете привели успех. Ребята, присоединившись к живому делу, становятся неудержимы. В институте теплоэнергоснабжающему совет молодых ученых «штабе» многие годы, пока ребята не связались с витебским производственно-техническим объединением «Моцодат». Помогли, каково там сейчас!

— Перенесли трудности нет смысла, — сказал мне Владимир Адалькин, возглавляющий сектор по внедрению вычислительной техники. Абсолютно честная работа — сплавные трудности, которые мы научились воспринимать как норму. Важно в нашей работе увидеть то качественно новое, что внесла в жизнь комсомольских организаций института. Советы молодых ученых перестали работать только на себя. Приходится решать задачи не из учебников, а из жизни, что посажено во сто крат. Вспоминается характер молодого специалиста, ответственность за свою работу. Словом, я убежден, что наши дела не дают мое, а процесс закономерный, а потому перспективный.

Ночь. Голицыно. Гулко и быстро
Сквозь потемки прошла, как игла,
Электричка, Мельница, как искра
Городского огня, И — ушла.

Или это свернула зарина?
Или это упала звезда?
А вдаль синены — стопница,
Круглогодичная страда.

А вдаль — на большом расстояньи—
Шумов слитные голоса.
Словно северное сиянье,
Подрагивают небеса.

То усилия третьей смены,
Беспокойных барабанчик горя,
Полыхают юношеские мартены,—
Там уже заняты заря.

Слышит всплески далекого гула
Поселковая тишина.
Небо дремлет. Природа уснула.
А Москву не до сна.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Моя дружба с журналом «Смена» длится вот уже 25 лет, и сегодня я с удовольствием встречаю здесь первым словам молодого, подавшего надежды поэта.

Валерий Краснопольский окончил в 1971 году механико-математический факультет МГУ, занимался в театральных студиях и театре. Краснопольский относится серьезно, может быть, не менее, чем к математике. Однажды я спросил его, призвание не имеет однозначного, скорее в чём-то давнее назначение?

Молодой поэт свойственен оструе и томное одщущение природы, себя в природе. Красив и его стихи, лепи, и в то же время чисто и просто, громко, броского. Это делает его позитивно заинтересованным, окрашенным легким лиризмом.

Поэт еще весь в детях, весь в юности, и это чрезвычайно важно для трошкину. Хочется надеяться, что она знает его и свою материю.

Валерий Краснопольский переведен. Его интересует поэзия стран Боскона. И это — третье его призвание.

Евгений ВИНОКУРОВ

Опущенная в высоту,
Сирень струилась на свету,
Струилась и летела,
Не ощущая тела.
Она дышалась и текла,
Она была подсолнечника бела,
Но не сине синела
И вырывалась из листьев,
Как будто мир звал ее ввысь,
Была грозной буйством.
Но это видимость одна!
О, как она была нежна,
И как, стесняясь, пепла,
И как хотела повторить
И голос твой, и цвет, и стать,
И все оттенки тела!

Весенняя пора — твоя пора.
Хотя и легкий холодок с утра,
Но плохо верится в это всеваялье.
Держалась долго на дворе
— ненастье,—
Ушко, нет, нет, — сбеклано...— Это ты
Весне повторяешь. Твои чешуи
Я нахожу в ней. Чешуи. Очень здимо.
Кандел! В жизниходить неподведимо:
Стремительность. Решимость.

Примота.
А синева пока что не густа,—
Размыта, будто бы на акварели.
Прайдеть еще не более недели,
И, раздувая пламенья голубой,
Весна близко окажется тобой.

Ловлю перекрестьные взгляды,
Ловлю перекрестьные звуки,
Сказаны, легенды, баллады
Идут ко мне в руки.

Как магнитофонные ленты,
Прокручиваются надеши.
Сказаны, баллады, легенды
Пришли, налетели.

Я в них избегал назиданья,
Словно избавляя от мыши.
Баллады, легенды, сказаны,
И все это — были.

Черновик преврати в беловик.
Ты работать начами привык.
Потому что и днем ты в труде—
На покое, в дороге, везде...
Строки канчатся, хороши!
Зверион и он хороши,
И орнитон и они хороши.
Запиши свои строки в тетрадь.
Разогнись — напечатай, а там
Вновь пройдись по печатным

листам,
И начало представят концом,
И конец будет первым столбцом,
И учитель опять ученик.
Беловик преврати в черновик!

листам,
И начало представят концом,
И конец будет первым столбцом,
И учитель опять ученик.
Беловик преврати в черновик!

листам,

Освобожденная от снега,
Земля чернеет там и тут,
И на полупорах веют
Деревья для Москвы...

А с неба.
Как ливень, звонко льется свет,
И над землей — ему в ответ —
Кубится теплый пар — истома
Вновь защищающей земли...
Под наблюденiem упраждона
Звезду монтеры понесли,
И на канатах выше, выше
Звезду подтягивают к крыше.
Для пробы лампочки зажгли
И погасли...

* * *
И видим
По давней праздничной привычке,
Укрытые в цветочный дым,
Как бы в предмайской перекличке,
Созвездия отвечали им.

На литовский мотив

Земля поднимает траву,
Трава поднимает росу,
Роса поднимает коня,
А конь поднимает меня.

А конь поднимает меня,
А я поднимая шашку свою,
Чтобы привлечь мою любовь,
Для которой песню пою.

* * *
Далекий от свет пушкинской
певицы,
Нам вряд ли увидеть другой такой.
Не сходи, не колени, не аркады,
А правда чувств в строках
и за строкой.

И между строк просвят и пробылы,
Как между звезд, как в синицеце
плакет,
Откуда говорят со мной поэты
Не отшедших, в грядущих лет.

Весенний голос

Поющие снега поняли весну в мире
И с солнечным лучом играют...
запуски...
Не слышно трескотни в пустоте...
забытом тире,
Но скоро грянет гром, появятся
стрекозы...

Впервые жду весну нетерпеливо,
нервно,
Как будто с ней придет желанная пора...
Как будто знаю я, что на неделе
вербной
Сойдется, наконец, и завтра и вчера...

Вдыхаю аромат, за год почти забытый,
И радуюсь ручьям, кричащим о весне.
Не первая весна, ты мною вновь открыта,
В капели городской, в оттавшей Луне...

Пусть утренний мороз своей последней вязью
Мне скажет о другом, покроет льдом ручей...
Ко мне пришла весна, живу весенней явью
И слышу каждый день надрывный крик гречей!

Юго-Запад Москвы, в октябре
запороженный снегом,
Резиновый озон этих первых
осенних снегов...
Открываю сегодня в окне,
что послерно с небом,
Те края, где у рек просто может
не быть берегов...

Рассвествает... Открою замерзшие окна
В сад предодрожий, который не много
взращен.
Я хочу, чтобы солнце согрело
оззибие стекла,
Чтобы осени цвет был бы там не миг
возвращен...

И весенний капелью вдруг робко
капель отозвается,
Зачирикают вновь осенние
вдруг коробы...
А мгновение это в народе сиянием
зевается,
Потому что взорвались уснувшие
было ручьи...

Юго-Запад Москвы, в октябре
запороженный снегом,
И мгновенные весны с оззибием
осенних снегов...
Открываю во всем, что сегодня
поспорило с небом,
Потому что у чувства просто может
не быть берегов...

ЧИТАТЕЛЬ

МИНИЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«Пятилетка — завод — человек»,

«СМЕНА» № 7, 1974

**Подмосковные сосны, тихий
медленный звон...
Утром ранним и роским к нам идем,
На поклон.**

**И пока солнце тянет через хвою лучи,
На зеленой поляне постомы...
Помолчим...**

**Прямota этих линий и упорство
корней —
Как пример нам отныне в синем
окнute дней.**

**Сумрак винят... Ликовость в земле
склонит к коры...
Начинается повесть юношеской поры.**

**Дышало утро запахом спирки.
Кусты лежали синими спавшими.
Край неба был в багровом озаренье,
И сад миллионистый лопотал.
И вместе с первым трепетным лучом,
Когда сознание и язв не слыши,
Я угадал гуденье дальнего чина
и многощетье солнечной пальпры.
Городской ветерок, вспыхнув из-за
Веселых бабочек. Он, легко порхая,
Приветствовал огненный восход!
И птичий гам стоял, не умолкая!
Так лето начинлось, так тепло! —
Замедленный, quemади кудри юношеские...
Песчинки дней в иносказческой воронке
Перемещались сухо и светло.**

Тост

**Темно-сиреневые сливы
На бледно-блестящие лепестки,
Семя блок бельевого напанва
И кичурчевый янгнград!...
За заслугу За тебя, мой друг!
И я, как за бывшую любовь,
За птица то, что не влечет
Нас от ошибок к разлуки.
И — за кипарисовую покой
Минутной золотой свободы.
Когда лежат перед тобой
Дары заботливой природы.**

**Самый солнечный, самый чистый
Из минувших моих сентябрей,
Прекрасилен глубокотого смыслы-
Наклонись над строкой моей.**

**Оセンе ее синий небесной,
Златом листьев твоих одари,
Позови ее, легкую, в песни,
Чтоб друге забыть сентябрь.**

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Дорогие редакции! Номер «Смены», посвященный нашему заводу, пользуется особой популярностью среди трубопрокатчиков. По мнению многих товарищей, чтобы проработать на заводе, хочется добавить и нему только несколько штрихов, рассказать о нашем шестом трубозаводстроении, о том, как мы вложили самое имеющее значение.

После окончания профтехучилища инженерного училища я работал на заводе слесарем КИИ и автоматиком и обслуживал несколько цехов, но особенно выделялся шестой трубозаводстроенический. Он потребовал от меня высокой квалификации, а главным размахом начавшихся работ по строительству нового стапа.

Буду рад рассказать о нашей последней реконструкции.

Такие работы в целом же без его участия, конечно, не могли бы состояться и остановки могут быть разные. Проектировщики и наши инженеры так продумали все работу по реконструкции, чтобы просто избежать ошибок, сделанных в одном из прошлых цехов, подготовили и испытали новый кромистротральный агрегат, созданный машинами из ГДР, и в результате постройки промстороградского задела до начала реконструкции начали готовить котлован под фундамент нового стапа.

Из комсомольцев и молодых рабочих созданы ударные бригады. Работали, как впрочем в три смены, на том, что стояло и не изготавливали, не изыскивали и над головой продолжали с грохотом демонтировать стальные листы, будущими, как известно, кубометрами земли и воловьим вырубом, кубометрами кирпича и старого бетона.

Потом мне доводилось слышать на одном собрании, что работу по замене старого промстороградского агрегата, который был установлен в 1949 году, молодые инженерные решения во время реконструкции нашего стапа было применено. Вместо того, чтобы вести реконструкцию, разрывали насосно-аккумуляторную станцию, танки, вентиляцию, устанавливали оборудование для реветки, а также вводили флюсы, который раньше начали уходить в скотах.

А как работала молодежь в эти трудные дни реконструкции? Я могу сказать, что в момент транспортировки поbrigade Володе Ильиным.

— Были и срывы в наших работах. Так же, как в самом задании на бетонных работах. Сразу был вынесен «Комсомольский висток». И на другой день сформировалась бригада из 15 человек, в которую, к сожалению, ЧП. Бригада была усиlena рабочими, имеющими практику на бетонных работах. Они помогали, помогали, помогали. И в итоге, как известно, впоследствии они работали отлично, задачи выполнены на 140—150 процентов и были в числе передовиков. Это ребята нашей бригады —

Владимир Пасечник, Володя Савичев, Геннадий Подберезин. В дни реконструкции у нас ежедневно выпускался «Комсомольский висток», в котором не сходило имени сварщика Марата Исламгурова, Юрия Букарева, электрика Валерия Колотина, машиностроителя Геннадия Кузнецова, занимавшегося изготовлением нового пресса для окантовательной формовки заготовок. Это сейчас мы уже привыкли и никому не интересно, но в то время это было необычно. Построили это машина! Успели у него 20 тысяч тонн, и точность отличная. Построили машины, которые впоследствии были на экспорт, в Италию и в ФРГ, но наш пресс, конечно же, был лучше, и это было производительнее.

Появились в наше время и наземные установки, которые не требуют труда — такие уникальные аппараты. Стала использоваться трехтрубчатая сварка, она позволяла на 15—20 процентов уменьшить стоимость сварки. И это было очень важно.

По проекту стан необходимо было остановить на 75 суток, собирали из этих стальных блоков, сплавов, собирали и монтировали. Многие из этих блоков казались неразъемными, а мы управлялись за два месяца.

Мы вели работы с участком отделки, формовки, сварки, механизмов, электрики были заняты на пусконаладочных работах. И мы должны были научиться той работе, которую предстояло им выполнять и обслуживать. Поэтому и не удивительно, что в первые дни реконструкции машина и производственная мощность реконструированного стапа. Всего за три месяца, хотя по нормам реконструкции должны были проработать на уровне прошлого года работали на уровне вышеизданного. А мощность стана выросла значительно, 409 тысяч тонн в год. И это было заслугой рабочих, техники, прибывающих из машиностроения завода в Амурской области. А прирост этот не только не потребовал дополнительных трудовых затрат, но и позволил в дальнейшем полностью использовать работающих на стане процентов.

Итак, наш цех перенес еще одну реконструкцию. И это было заслугой рабочих, техники, которая предъявляет к стану новые требования. Главные из них — повышение технического уровня и знаний, улучшение производственного процесса, мастерства.

Впереди нас еще многоперед. И в уверенности, что возможно, когда-нибудь наши дети не будут удовлетворять возможностями механизмов, существующих сегодня, потому что реконструкция — это всегда движение, это всегда техническая революция в действии. А у нас, как известно, нет границ.

Евгений ОХТИНОВ,
депутат Верховного Совета СССР,
электротехник
Челябинского трубопрокатного завода

После выступлений «Смены» «Авторитет вожака»,

«СМЕНА» № 5, 1974

Статья обсуждена на совещании комсомольского актива Всесоюзного ударной комсомольской стройки Михаиловского ГОКА. Председатель комитета по заслугам — член комитета комсомола ордена «Знак Почета» треста «Курскстroi» Евгений Охтинов.

Советская страна отрадна недостаткам, имеющим место в работе комитета комсомола, штаба стройки и отдельных комсомольских организаций. Но суммарно эти недостатки, конечно, антигигиенические для себя много полезного, что будет способствовать улучшению всех процессов на стройке. Стремление улучшения всесоюзного комитета комсомола в этом направлении, конечно, заслуживает поощрения. Но комитет комсомольским вожакам завоевать авторитет перед старшими товарищами, среди молодежи, это задача.

Статья о «важности комитета комсомола претворить в жизнь мероприятие по воспитанию достойной смины рабочих на заводе». Важно, чтобы комитеты прорабов создавали условия для форм и методов социалистического соревнования комсомольских организаций, рабочих-комсомольцев, комсомольских групп и комсомольских групп и соревнования за наивысший личный вклад в строительство МГОКА.

В настоящий времена, начиная с кончины В. И. Ленина, в стране вспыхнуло множество соревнований по производству. Гармония на заводе, конечно, выделяется и зарекомендует в качестве наставников коммунистов, ветеранов труда, передовиков производства, организаторов, инженеров, техников, рабочих. Организована регулярная учеба комсомольского актива: от членов комитета до дружинников. Особое место комитет комсомола уделяет

важим проверенным работам комсомольских организаций, передаче опыта авторитетным вожакам на местах, на местах.

В 1972 году в связи ряда объективных и субъективных причин был собран луск 1-й опередил МГОКА. Поэтому прошедший, третий, реорганизованный комитет комсомола Михаиловского ГОКА был весьма напряженным. Большую работу проделали партийные организации, комитеты комсомола. Несмотря на все комсомольские антигигиенические приключения и тому, чтобы энтузиазм молодежи был направлен не на различные цели, а на выполнение плана по производству, ввести в строй 1-ю очередь МГОКА. Страна получила центральный железнодорожный концернат.

И сейчас, когда с самого начала вожаки начали стать и методы комсомольской работы. Важнейшие участники коммунистического воспитания молодежи возглавляют молодые коммунисты. Из 19 секретарей первичных комсомольских организаций — 14 — это вожаки, а это значит, что вожаки — коммунисты.

Исходя из критических замечаний, высказанных в статье Евгения Охтинова, на совещании комитета комсомола «Курскстroi» наметила ряд практических мероприятий, направленных на усиление работы комитетов комсомола, на улучшение условий, поощрение авторитета и боевитости каждого комсомольской организации и комсомольской группы.

Г. ПОНЖИДЕВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ
треста «Курскстroi»
Б. КУРИНН,
начальник комсомольского штаба
стройки Михаиловского ГОКА

ИВАНОВ-ЦВЕТ

Станислав ГРИБАНОВ

РАССКАЗ

III

ироко расставив крепкие ноги и упруго, пружинисто покачиваясь на носках, комэks зачитывал порядок новых вылетов.

— Вы, капитан Кайсаров, с разлета — не перехват. Потом по маршруту на потолке — в цель для дважды геройского... Услышав свою позывную, Комэкс покраснел, как предательский флаг, и склонил голову его щеки, и, чтобы скрыть неодобрительность, склонился над плачущим.

«Опять Кайсаров», — подумал про себя, — до чего же надоели этот капитан с пронзительно чистым взглядом».

— Кстати, отмечая работу командира звена Кайсарова. — Голос комэksа стал металлическим. — За прошлую смену летчик с блеском разделал бомбера. Он же, должен сообщить вам, лучшим образом показал, как следует вести батальон один на один лейтенанту Колоссову В. (Так и сказал: «Колоссов В.»).

От упоминания о последнем бое Колоссов покраснел еще раз, однако комэks, покоже, и не заметил его тревоги: дочитав до конца плачущую таблицу, он приказал пилотам разойтись на отдыши перед новыми полетами.

В эскадрилью перешел лейтенант Колоссов, и ему было нечего делать. Был он холост, и это было причиной для собственного жалости, как сказали в штабе, в бывшее время мог не рассчитывать. А поскольку и многие летчики имели в соседней с аэродромом деревне, называемой Сосновкой, не отшибе ее, в старом доме колхозного сторожа Парфен появился и она.

Сама-то Сосновка — деревушка крохотная, неприметная. Вытянутая вдоль берега тихой речки, посматривающей в воду, большинство города до дороги и отстриялись от нее все. Километрах где-то в сорока проходит один щоссе. Свернув с него влево, потом проехав по нему, через красный сосняковый лес, затем обогнув изгиб — к деревне попадешь. Другого пути нет. «А зато какие в Сосновке захватывающие, необычные горизонты, какие заросшие травами поляны! А перекликающиеся птичьи в лесах, что позволяют тебе забыть о том, что это деревня!» — писал в своем д报оре капитан Колоссов, никем замеченный и отключеный из всех. Так сказал Парфен, сухой, маленький, с темными линиями и складками волосенками старик. С тех пор, как умерла жена Парфен, он вышел на пенсию и вот лет уже двадцать живет бобомъем. Одни только пчелы были у Парфена. Мед от них старик сдавал купе, торговать настроев отказывался. Если же кто просил про надобности — денег не принимал.

Колоссов не разделял восторгов старика по поводу Сосновки, считал, что с назначением после училища ему круто не повезло, и в письмах рядом с обратным адресом упрямко добавлял: «Чтумтараканы!»

— Командир, садись! Подлезу.

По дороге в деревню на дребезжащем велосипеде Колоссов дрогнул тяжким его самолета старшин лейтенант Фомичев. Человек этот, по аэродромным нормативам, был уже давно немолод — перевалило за тридцать. Лейтенантские звездочки никак не вязались с его расплывавшейся фигурой, лицом большими, медно-красными. Возможно, потому в окружку к старшину обращались званием, а не именем — старшина Фомичев. Или потому, что старшина доказывала, что «Фомичев, когда этот самолет на регламентные!» Колоссов слышал, что за всю свою долгую службу Фомичев ни разу никогда не переворачивался. Ходил он на аэродроме в казенной куртке, насквозь пропитанной маслом, керосином — взглянуть страшно, не то что понюхать. Неуставное обращение к нему не нравилось Колоссову, он считал, что от этого у Фомичева какая-то раскованность, не очень-то нужная в делах авиационных, и на правах командира экипажа собирался побеседовать с техником вообще и на тему воинского этикета, в частности.

— А я к Парфену. Дай, думаю, до полетов за медком съезжу, — паршивясь, продолжал Фомичев, потом, словно оправдываясь, добавил: — Бабье мое нездоровье.

Изломанные брови Колоссова дрогнули. Заметив на его лице то же смущение, но то недовольство, техник перевел все по-своему и бодро заявил:

— Ничего, командир, не горюй. Еще на заводе я тебе говорил про Колоссова.

Жалобный надрыв в голосе старшины захлопалась — велосипед с Фомичевым скользнул на землю. А вскоре за повтором дороги будто изпод земли выросла изба Парфена — низкая, пропахшая сосновой смолой, луговыми травами. У порога ее Колоссовбросил пыльные сапоги, в крохотной комашинке, где жил, по курсантски привыкнув аккуратно, стоячонок сломил на скамейке обмундирование и лег спать. Через перегородку из хвойной полосы донесся голос старика:

— Прежде-то, как ни деревня, так и колдун свой был. Сколько баб портниши — сказывали страшно. В Середневе Еликоник лежий до смерти защекотал. Еще в Малинниках... А онче позывька — пощекоч, так тебе и башку отверну. Что лещими, что чертами наче делать стало нечего, они и ложат на покое...

Голос у Парфена скрипучий, как у сверчука. Старик знает то, чего не зна-

ют другие. Недаром в сенях у него развесаны пучки всяческих трав, а в избе на полке стоят какие-то склянки, пузырьки.

— Что верно, то верно, — на всякий случай поддакнул Фомичев. Видно, мешае еще не вопрос.

Парфен насторожился.

— Может, этого... Как он там — Трифон Печнереского...

— Сам ты Трифон! Интелигенция щупана! — Старик закашлялся, застучал кружкой по ведру с водой, наклоняясь, отошел и с нескрываемой горечью продолжил: — Иван-то Купала не знает... В полночь ведь кодыся к папоротникам в леса ходили, ждали, как в цвет пойдет — счастье ищи. Потому как Иван-оgneцает всем цветам цветок. А ты: Три-фон...

Колосов поднялся, не выдергивая, криницу через перегородку:

— Дед, кончи высступати! У меня полеты...

Но Парфен не слыхал. Махнув рукой, Колоссов наступил на голову одяда, отвернулся спиной, тут же же приложил к ней щеку и проминался, ему школы и учительница русской языка Анна Ильинская: «Опять ты, Володя, не выучил «Слово о полку Игореве». Садись, девайка...»

— А я, милок, много волшебных-то трав знаю. Планкун-трава, одолевая, нечуй-ветер. Еще архарь разрыз-трава есть она. Ихже разрушает, а по весне — архарь жрет — от нее, значит, рога клещают. А кто отгнечет дастнет, тот все сделает, что захочет. Да только поди отмычка. Огненец-то сам нечистый стареж...

Голос как цветастыми обоями, которыми были оклеены стены избы, казалось, преследовал Колоссова. Так, ни на минуту не заснув, сбившись во времена, он открыл глаза и заметил, что солнце ужеклонилось к горизонту. Монотонно постукивали на стекле ходники. На столе, забытою присасанной Парфеном, лежала кружка с молоком, рядом — творожная ватрушка, миска душиной земляничинки. Колоссов потянулся к ягодам, но тут ему показалось, что за всем этим кто-то напряженно следит.

— Кто там?

Ах... Иконы.

Колоссов никогда не видел, чтобы Парфен молился на них. Темные, лягуневые доски старика хранили скорее в память о жене. Спаситель, Божья масть, святые угодники. Холмод недешевого мира дожину на Колоссова. Но у них, братцы, уважите! — обращаясь то ли ко всем этим угодникам, то ли к надеющимся разговором Парфену с Фомичевым, он энергично вспомнил, что солдатской кошки, цепляющей хвостом новохонского магнитофона и вывел его на полную мощность.

Парфен зевнул. Пела как чуком, непонятном языке. Колоссов разбрал листья от бородавки. Ах лады-то, но почему-то считал, что музыка эта и вся лесна погань лишилась имени для него. А кто знает, втайне думая он, может, и тоска этой дающей незнакомой женщины о нем — сильно и молодом летчиком-истребителем Владимире Колоссове.

— Миль-ай, — то пошто-то магнат свой так щибко звал! — В хрохотную комашину, раздвинув белые занавески, прокружила взломченную голову дед Парфен. — От твоих-то песен куры перестали нести.

Колоссов напрягнув крепкие шары бицепсов, не торопясь, осмотрел себя в туеском, засиненном мухами зеркале.

— Корыт, деда пынчук, пынчук, пынчук. Яица будут как раки!

— 10-е, 10-е, 10-е, 10-е... — Рычал Парфен, громко высыпаясь в полу... Все хай-дай-ей, ни слова в трех песнях не понятно. Али сам-тошиб в языках чужеземных разбиралась?

В вопросе насчет языков Колоссов почуял подвох. На всякий случай ответил посторожней:

— Нельзя сказать — во всех. А музыку вот люблю понимаю. Это вариации. Док Эллингтон. Слышишь... И тут же ответил за Парфен: — Не слышал. Поэтому как вместе не служили.

Помаргава сплезущимися, выцветшим от времени бледно-голубым глазами, старик силился уловить в звуках музыки хоть что-то отдаленно знакомое, но, не находя в ней ни грусти, ни бытого раздолья молодецкого. И проминался тогда Парфен своим старым солдатским песням. Про Лизу. О том, как она пошла гулять в лес, как нашла там черного жука и что потом из этого вышло.

Вот вам, девушни, наука — Не ходите в лес гулять. Али же, если пойдете, не забывайте, Д-д-кладите мужа спать.

Приморил себя — удялого, разгульного, с красной, как самоварная медь, макушкой волос. С каким озорством, подыткавший и возбужденный, пел он песню про жука.

Смеялись девки. Покрытые шелковыми платками, точно букет цветов, сверкали своими нарядами, а голоса их лились в пространство, а руки уже сплета-

лись с рукаи парней, а плечи, бока уже мягко раскачивались, и ноги плавно всплыли в круг.

Все то прошло, ничего не воротишь. И самого его молодости...

— Володимири, а пойдем ночью в лес за отгнешетом. Супротив другого цветка не сыскать. Авось отыщем, — предложил вдруг Парфен.

Колосов разился:

— Слушай, дед, ну что ты с этими папоротниками! Да иди-ка со своим Яриной к елочке, к елочке! — Сыпалась в кринку с холмским молоком горсть земляники, он сделав несколько жаждных глотков и, хрестя зернышками ягод, снова завалился на койку.

Парфен оторопел.

— Чего ты, родимый! Ноздри-то разду? Омышик тебяшиб! — Не доходя до ответа, старик засуетился, загремев-застучав чугунками.—Не хочешь чай? А ну, так башку?

Колосов подумал, что направно так грубо ответил Парфену, и, пытаясь сладить рину, решил как-то объяснить:

— Понимаешь, предстоит у меня сегодня дело серьезное. Ну представь: где-то в районе седьмого неба, как в мешке со звездами, должен я перевезти на скакости в две с половиной тыщи кмэда одного приятеля, будь он недалекий!

Супостат, значит, — уточнил Парфен.

— Как тебе сказать, комендант звена он мой. Занудливый такой: то подготовкой к полетам недоволен, то критикует, что слабо в общественной жизни участую, то малышиков видишь ли, не посыпаю. Словом, должен я его сегодня перехватить. И во что бы то ни стало.

— Э-эх, милой! Чему же все-то ваше капральство в семинариях наставляют! Колоненко здесь простой. Ты его враз сшибей. — Дед Парфен стукнул Колосова слабым кулаком по плечу и исчез из землянки.

Вернулся старик уже со свертком испранных, пожелтевших листков. Разложил бумагу на столе, спросил:

— Как ильо супротивник?

— Кайсаров. А что?

— Э-э, мати твого в солдаты, так этот усятый через три двора у кривой Матренки живет! Ну, теперь не перебивай, слухай. На море, на оканье, на острове Буяна гонит Илья Пророк на колеснице гром со величии доказывал: над Теной изъезд и эзких коней.

Парфен, не вытерпев, замахнулся, испытывающе глянул на Колосова — благоговейно ли слушает — и скороголовой продолжил:

Как раба — рабина мечется, со младенцем своим не разброязгается, там у него раба Кайсарова близко и томились пули ружейные и всякого огненного орудия. Кое от кочета нет яйца, так от рузыка нет стрельянки. Ключ в небе, замок в море. Аминь трижды.

— Что это Заговор — удивился Колосов.

— Доподлинно. Но и есть. От пушок, стрел, ядер и всяких ружья. Марахуем немного.

— Ты кудору, что ли?

Тонко, сотней мелких юршинок у глаз, старик улыбнулся.

— Но кудору же отгадывать...

Колосов покорно засмеялся, глянув в окошко и заметив, как потемнела тропинка, спускавшаяся к реке. Онкнувшись в воду, она продолжала свой бег на том, более высоком берегу, куда еще попадали лучи солнца, и от этого казалась светлой и чистой. За лесом послышалась рокочущий гул турбин. Это на аэродроме техники уже приступили к подготовке боевых машин на ночь.

— Ну, дед, на сегодня хватит мне таких эмоциональных перегрузок. И так в голове одни киникоры, шишкы для лесозавки. Дай хоть немного вздремнуть.

Парфен обиделся, стал скручивать бумаги, но уловившие пальцы услыхали плохо, и он сердито выговаривал:

— Подковырнула. В самое место. Как погляжу,шибко все ндравные пошли. Грамматика в голове. А вон твой Фомич тоже Ивана Купалу от Трифона не отлучил.

Старик, долго еще не унимаясь, возился за печкой, недовольный, что-то бормотал про себя. Колосов перед самым отходом на аэродром вдруг отключился от всего — как-то сразу забыл и Фомичеву, и старика с его небылью, и капитана Кайсарова, с которым через несколько часов должен был встретиться в поселке далеко от земли.

Купалу от Трифона... откуда-то из сундука бесконечности донеслось до Колосова. Голос ему показался удивительно знакомым.

Но что это?

Из-за дремучих деревьев выплыла рожа с мышными ушами, выглянула кишки, закапыла сонные глаза, осыпалась бесовским огнем. В мертвой тишине леса, нарушаемой то жутким разбойническим поисковым, то тоскующим наядовыми и жалобной ночной птицами, посплющась под чуми-то осторожничими шагами потрескивание сухих веток. Замырая от края края, крепко хранила волнистые щеки, синеву глаз, синеву губ, у самой щечки через кострище прыгали гибкие девушки, разгоряченные парни. Полные упрятой силы ноги, обнаженные плечи, волнившаяся тьма бикини, беззастыднических глаз... Совсем рядом Колосов услыхал чай-то быстрый шепот, веющий серебристый смех и оглынулся. Из речки, сверкая в свете kostров таинственным отблескомми, наставрому ему вышина женщина. Она шла, управляясь руками в крутые бедра, от плавной поступи она ритмично раскачивалась то влево, то вправо. Кел-вики скользили с ее крепкого тела, повисали на кончиках высоких грудей, в глазах блестелись буйствами, играли все-то огни вспеленной.

«Что же ты не подойдешь ко мне, добрый молодец! — спросила певучим голосом, и вдруг, в теплые пряди волос за спину, посмотрела победоносно...»

Богдан? Или не нравится тебе предзикун Купалы?..

Опять этот голос!

Неужели она? Та самая женщина, которая давно волнует песней своей? «Как же это ты, гвардейский лейтенант? Нехорошо не знать боя Ярилы...»

Еда сказала — и страшный гроток вихрем каким-то ворвался в сознание. Видение исчезло. Мутным взглядом осмотрев избу, не понимая, где он, что происходит вокруг, Колосов услыхал:

— Ну, и гораздо ты поспеши. Подъем! На полеты пора. — И тут он заметил, как мелькнуло в оконце лицо капитана Кайсарова — аристократически бледное, с бледно-желтыми щеками и черными усами.

Сурок заметно сущулился. Оглашая воздуха противнями мышниками, из-под горы показалось стадо. Над согретым за день пашнями полетел цирковый благовест. Словно стон, тягучий, задумчивый, проплыл над полями один удар колокола, ему на смену родился другой, такой же задумчивый и печальный. Легкий мрак заволакивал Сосновку.

Колосов любил это время. Любил первым открывать ночные полеты. На земле темно уже в там, в старатесфе, еще успевахи пройти и леса.

Цаца. Они скользят по морозной обнаженной земле, как будто в реку посыпали синеву, и всплывают вспеской. Плавленную перевернутую машину на спину и — угу! — камень винц, словно с гигантской горы. На выводе из пикников член блине к земле, том чернее краски ее, тем ярче разгораются десятками фосфорических стрелок и циркульбератов, сигнальные лампочки и контрольные табло кабин пилотов. День гаснет на глазах — ты провожаешь его последними...

Встал Колосова на перехват команда звена задерживалась. Ему не хотелось встречаться с Кайсаровым, выслушивать в который раз длинные и нудные щенческие указания, поэтому на стоянке он появился к самому запуску, когда самолет уже был подключен к пусковой машине.

Опаздывал, комендант, — откуда-то из темноты услыхал голос техника. Колосов буркнул про себя: «Из здесь указания». Ну, чего волнуется? Будто начальства нет...»

Рисунки
Владимира ЮДИНА

ДЮРП

ПРИГЛАШАЕМ К СПОРУ

Человек на работе — это значит человек среди людей. Разные отношения складываются в коллективе, в различных конфликтных ситуациях помидоры. И о том, как он выглядит в этих ситуациях, можно судить из того, какое «я» в нем проявляется. Такое «я» называют «я-псевдо», проявляется его характер, сила воли, принципиальность. Часто всего именно в разрешении конфликтной ситуации выясняется «кто есть кто». Конфликт — это «короткая замыкание, требующее от человека полного напряжения моральных, а порой и физических сил. Но «ко-

роткие замыкания» случаются не часто. Означает ли это, что в повседневной жизни, в тихих буднях и жить следует буднично, гико, не обращая никакого внимания на все, что происходит? Нет. Просто в повседневной жизни, в общении с людьми, проявляется тот же характер, сила воли, принципиальность.

Часто всего именно в разрешении конфликтной ситуации выясняется «кто есть кто».

Конфликт — это «короткая замыкание, требующее от человека полного напряжения моральных, а порой и физических сил. Но «ко-

торый знакомый, водитель такси Кости, звал меня по ночному городу и рассказывал:

«Ты, я читал, в социологии будрился? Ну, ну. В нашем парке тоже обследование вели. Справшиваю: что вы больше привлекает в труде: заработка, пользу обществу или интересов?

Гляжу, ребята хорошие, что мне ни показатель, ни прибыль, а чистое интересы, практическое начало: не люблю по одному и тому же маршрутнику сидеть, как автомата. Хотя, конечно, и общественная польза важна: надо было, я и автобус водил и на имея работал, слесаря то есть. (Тогда аварию сделал, и меня на три месяца прах лишили, но про это я, по-натуре, молчу для ясности.)

Вину, они долбили, но для полной научности начинали гемити: какое поощрение вы считаете более действенным — моральное или материальное? Говорю, моральное. Улыбаются: «Ну, ну! Ты что думаешь? А ты считаешь, в какой форме, на них взглян, поощрение эффективнее?

Ну, там меня уже ало начало брать: что они меня и вправду за неумного держат? Лучше всего, говорю, пожалуй, в форме десятаки, потому как если пятерками — хуже, а с рублиами и вовсе: содержание то же самое, а по форме вроде одноно.

У тех как физиономии выплынули. Позвольте, мол, где же логика: только что говорили, что предпочтительней моральные стимулы! Разумеется, моральные, говорю, разве же десятака — деньги?

Молоду прочт, сердечно. Было у нас недавно соревнование и обвалился списоком, кому премии дали: из водителей — ни одного. Я встала, спрашивала, почему нет водителей в списке. А мне в ответ: что, мол, шум поднимается из-за десятак? Я облизнула и говорю: до лампочки мне ваша десятка. Но вы же шум на собрание пригласите, да еще с ребятинками, вызовите на сцену: вот вам, уважаемый Константин Витальевич, за труд, за усердие, за то, что мы вас любите и парк не раз вымыли подмены больших и прогулочных. И я к этой десятке тут же пошла со своим доколи — и гуляя ребята. Вот так.

Да и в газетах об этом не раз писали, а все не добьют никак.

Я к смешу сколько разных людей перенихала, чего люди к справедливости тянутся. Уж так видят, устроены: другие хотят жить по счетчику, мы — по справедливости.

Тот хотя бы нам был такин. Кто мне первым «классиков» вор? Понятия, автомобилист. А тот, кто ворует автомобили, — это же именемный регуляторный, сторг? Так вот, когда в большинстве слег, вершины, пофоры за очередь спорили, чтобы его наставить, чего вкусою передать. Не из подхалимажа — затем? — он все одно уже на пенсию уходил: то право спровадил был человек. Сделавши нарушение — остановил, вежливъ объяснил: вот, синий, в чем ты виноват... Все правильно, положено платить. Даст на руки, а потом спасибо. Виноваты, а виноваты, синий, спасибо, короче... А ведь такие бывают нахалы: один даже заявился на письме: «В связи с тем, что у меня шесть человек детей, пришу перевозки меня на Кубаньское шоссе...» Там движение сильное, нарушают чаще. Почему анекдот? В газете было. Пол рурик: «Нарочно не придумаешь». Как считаешь: испытал ли это редактору или тому, кто коину первым?

Откуда деньги? Разумеется, клиенты расплачиваются. «Часные» — малоз, просто с позднейшим взысканием. В Москве трудно, идут в потоке, а у нас поспокойней, да и направлений поменьше, вот и подибрами попутчиков. Немыгодно, когда трое-четверо вместе, выгодно, когда все попутно и все врознь. Каждый платит поменьше, чем если бы ехал один — и ему выгодно, и мне набегают. А если бы я ехал один, то... Всё равно. Всё я знаю право и право и подсказка, а потом понимают люди: дистечету я должен? Должен. Механику должен? Да. Контролер ко мне может подсед под видом клиента? Может. И в казине, национ, тоже — были клиенты, нет, а отай, не грехи, что положено. Привезти тридцать пять — добавь три рубля да впереди: привезши, тридцать восемь — план — планом еще рубль-другой, чтобы перевыполнение было. Планом выполним обязательства и не ловились при этом.

Почему не написать об этом в редакцию? Да, писали два тудака. И в редакцию к народ-

Первым вырвал и, на части разрывая густую ночь, ушел на форсаже капитан Каисаров.

Капитан небес — восторженно прокомментировал кто-то из механиков. Колосов, загримировавший кабину, «Действительно, взлетает — и то с пафосом. Словно на митинге выступаешь...»

С горечью неудач последних полетов, но с твердой решимостью привезти наконец-то золотополную зачетную пленку на перехват на потолке Колосов наехал высоту. Небо стало блекло, земля дальше. На фоне кабины закрутился вихрь. Мирно потрескивая в научниках гермошлемах, дышал эфир.

Когда Кола берет перевозчика поступком, сигналом к включению фонариков, Колосов с нетерпением спросил: сколько управлять двигателем на этом режиме? Затем и побежал спорить с кабиной: насколько выше и вперед, помес, помес в жуткий мир, ночь. Как бы не проскочить, прикончить в уме — звонко-зеленый светильник на мидификере задвигался тревожно и быстро. В какой-то миг почти интуитивно понял: что не умешь скорость сближения, если пойти на прежнем режиме еще секунд тридцать, непременно повторится старая ошибка.

И вот выпущены тормоза. Как бы угадав решение пилота, цель маневрирует — спряталась на мидификере поплыла куда-то вниз и влево. Тогда, позабыв обо всем на свете: о тревожно мигающих лампочках контроля, о десят-

ном контроле. Только я так думаю, не от души писали, а со зла на притворах. Или так, как из парка тогда уезжали собираться. Тогда вспоминались... Ведь чего писать: не она же директор эти деньги из кармана клацает, а они не из своего кармана платят — зачем же ломать комедию? Нужно по справедливости: сам живи и други давай, а если все иначе в официальной ногу, то и самим худо, и дело с места не сдвигнется. И не только в Москве. У меня приятель в арбитражном суде. Сидит в кабине, и вдруг предпринята любят к нему обращаться? Обращаются когда между собой уже по-хорошому договорились и мало лишь формальности событий...»

Костили меня по пустому городу, не выключая таксометра. Клиенты нет. Платить по счетчику он будет из своего кармана, точнее, из кармана дневных своих «подкладных» пассажиров. Обидно, конечно, но не в Костинских правах. Справедливость без погон. Костили в паре со поездом, тоже не выключая счетчика, чтоб не превысить норму холостого пробега. Норма эта абсурда: один километр к двадцати. «Держитесь ее — так с места не сдвигнешься, чтобы поискать клиента, простишь звонок, а не поймешь человека в «глухой» кабине, если тот не заплатит вдвое. Заплатил — кака назад, таксометр цокает, но по пути, глядишь, и подсаживаешь. Зачем газы выхлопные? Неужели из-за этого? Неужели из-за машины? Или из-за пассажира, не выплюнула глаза, не станет: милиции остановят, да ведь и план все равно надо выполнить. В Москве, говорят, порядок этот давно уже отменили, а у нас все держится — почему, зачем?..»

Не знаю. Но вот что я знаю твердо. В каждом деле стихий складываются и обрабатываются новые и новые условия. Формы, которые раньше не существовали, становятся обычными: это, конечно, убийство протопотных пешеходами, когда не ссыпаются с настаками архитекторов. Можно штрафовать людей за то, что ходят по асфальту, а можно заасфальтировать, узаконить самодельные тротуары.

Так и здесь. В жизни Кости нет, кажется, дня такого, когда бы он не нарушил регламент, избрал не тот путь. Всё виноваты. Всё виновато, но, помните, что не все вы都会有, делают вид, что не знают. Впрочем, в последние времена модной стала другая поэзия. Например, в «Литгазете А. Стрельцов написал, что, скажем, директор совхоза честными путями или по строительству выполняет новоземские: планово задание не обеспечивается фондами и материальными ресурсами. План, однако же, выполняют, добывая максимум из благоприятных обстоятельств, обычными путями. Автор пишет, конечно, что говорит, что не выходит секрета: ведь если он пробьется, это пути немедленно перекроют и довершились ими людям — каков. Понять автора, конечно же, можно. Написал, например, один журналист, как строители выполняют план, искусственно завышая стоимость строительства, так с них после этого приятель прыгнет в воду. Чрез жалко, что же дальше говорят. У Бенедикта было четверть способы делать деньги, а у меня всего пять. Теперь четыре останется. Я это думал, тут в доску своей головы, а ты...

Очень подумаете вы на это — быть «своими людьми», забывая, что принадлежим мы к словесным людям государственных. А в государственных интересах высчитываются и планы обходными путями. Делают, да, но, скажем, из старых из-за этого с треском проваливают планы. Ибо не только неразумный, уставший регламент или неувязки в планировании вынуждают хозяйственников искать обходные пути, но и

как шкал с метрами, секундами, килограммами. Колосов установил взглядом в конический трубус погон и утром, с какой-то отрешенностью, стал повторять маневры Каисарова. То ли решил, что перевозчик уже потерялся, то ли понял, что сопротивляться дальше бесполезно, цель неожиданно успокоилась.

Долго, как бы расплачиваясь за все свои досадные вылеты, сидел Колосов на кнопку пуска ракеты. Ракеты не полыхали огнем из-под плоскостей перехватчика — бой был учебным. Но победа оставалась, росла метрами кипенопади, Колосов, на кнопку пуска ракеты о конце работы, по-мальчишески зажималась в кабине: «Вот и море-океаны остыли!»

Потом, когда Кола вспомнил о своем настроянии Колосов потребовался бы не меньшей мере саксофона с ударицами. Но, сознавая торжественность момента, он чинно зарулил на стоянку, не торопясь вылез из кабин, приподнялся на носочках, с хрипотцой в голосе произнес:

— Фомич, скажи оружейникам: пусть снимут там эту пленку. Посмотрим, что от колесниц Ильи Пророка осталось...

Колосов очень хотелось, чтобы слова его услышали все: к комзск, к друзья-пилоты, и механики, что темными темнами вечно обступают самолет, едва тот зарулит. И особенно — чтобы сам Каисаров Булат. Но, как бывает в

негласное существование этих путей позволяет сокращаться неразумным порядкам, консервирующим их.

Если «бронки» удобны, то и нелюди «асфальтизируют», удаляют, но это невозможно сделать пока считается, что их нет и все ходят исключительно по асфальту. Кому это выгодно? Только людям, получающим в подобных условиях определенные преимущества перед другими — более боязливым и менее склонными к коммерции. Но больше отстает еще сильно — боязливые на натуре склоняются к тому же пренебрежению.

Результат, если на счетах считать, крайне бы тот же самый: вот и Костя — и обязательства выполняет и в соревнованиях у него-то (у него, он точно не знает, не интересовался) выигрывает. Но от того, что подопечного его успехов терпит блеск, от того, что ее надо танцевать, Кости не беспокоит, и заборы становятся дурачеством. Он поспешил в чешскую пекарню, чтобы то болтись, что-то скрывать, живет некой полузаживленной жизнью. Примыкает превращается во вторую природу, заставляет мутной затянутостью взора, временем перестало различать, где добро, где зло.

И ежедневно по сплавляемости разобраться, и не без клиентов Кости, — это не проблема. Все равно надо было к миссиям подключать, а потом ответы сверху с теплой еще барабанной одолжу нужно му человеку, обещавшему подключить еще для одного человека полстолиц императорских лезвий.

— Воронова? — я кивнула на сверток...

— А какое?

— А как же с совсемью быть?

— Никак; я давно это знаю, он по совести крадет, — преведливо.

— ?! Кости, ты призрак, ты на фельетона сбежала...

— Всогуб! А ты сам посуди. На миссиях-бигантке работы не признаки. Чего же туда человек побегет, враг от себя, что ли, когда всюду и становчики не хватает, вымучиться тебе придется. А если вдруг вспомнишь, что в газетах писали, тоже правда, чтоб не забывали о сокетах. Ты хочешь, чтобы все по счетчику, один к одному, но вот даже руль — и тому лифт нужен, иначе и сидеть было бы невозмож... Я так думал: в любом механизме «лофт» должен быть. Вот, например, квартиру я получил. Батарея «тармошка» — в метре. Не со гремит. Но дверь миссиями, а звонок — в лоб, комбайн «тармошка» — два — два с половиною метра. Откуда? Металл не стекло, которое с допуском на бирю видыется. Собираешься, нет? Значит, прораб или там другой кто и в нормы «лофт» заложил. А как иначе говоришься с людьми? Так каждый знает: если тебе подработать, закрыли глаза, так и ты не вывалишься, — истина права, если проростки придется искать то...

Почему же не вмешаться, не вывести людей на чистую воду?

Кости пожимает плечами. Само допущение, что он может восстать, вмешаться, разоблачить ворогу, написать в редакцию или в народный контроль, представляется Кости невозможным, иделием, противным логике его бытия.

— Мое дело — вертеть бараку, а не в газеты писать.

Газеты Кости читает, если нет пассажиров. Читает по-своему. Все, что там напечатано, для Кости, безусловно, авторитетно и — за вычетом спортивного комментария и прогноза погоды — бесспорно. К печатному слову Кости относится с большим уважением, независимо от того, со-

гласуется ли напечатанное с его личным опытом, с наблюдаемым им воочию. Потому что газета по мнению Кости — это несет нечто неизвестное, если в жизни что-либо не так, как о том писали в газете, так это в жизни, а не в газете неправильно. Как на самом деле, на практике, то Кости знает и без газеты; какие в городе новости и что по этому поводу думают и говорят, он видит сам и его клиентов слышит. А две городские газеты — утреннюю и вечернюю — он для того, чтобы писать, чтоб увидеть обе стороны, — читает, чтобы увидеть обе стороны, чтобы ориентировать. Он знает, что ориентируют его действительно правильно. И он искренне усваивает прочитанное, формирует таким образом свое гражданское мышление, потому что правильность такого понимания мира подтверждается всем главным, основным, наиболее важным в жизни. Всем: от гражданской интеллигентности города до самой гражданской приватной квартиры, которую Кости только что получила; от преображеного за них-нибудь десять лет сеза — до того, что жена сейчас страдает; ей ничего то надеть, то обуть, потому что пальто у нее прошлогоднего силуэта, а сапожки не на платформе. Теща правильно говорит: с жирами бесеют люди; мы бы в молости были, если бы все было правильно.

Он добродушно, как из машины, суетясь, идет в чехии политэкономии или теории ренты, так и высокое, гражданское сознание Кости чаще всего не имеет непосредственного отношения к его практическому сознанию и поведенному поведению. Оно лежит как бы в разных плоскостях и могут, точно потому машин на современных дорогах с эстакадами-островами разъезжать, не смотря на друг на друга, не сталкиваться, не создавая пустыни.

Противоречий, сомнений, терзаний, душевного беспорядка и неугоды Кости органически не выносит. Кости любит, чтобы было ясно и никак не понять было: им нужно как правильно или как на самом деле? Выясняет, и не столько на практике, сколько в голове, что же это такое, какое написать, ли и самому, как все в парке устроено. Но тут же рядом какая-нибудь другая статья. Пробежавши глазами и успокаившись: чуть было в аварию не попал, проглядел эстакаду, а она вот — все ясно.

Был, например, общегородской субботник. Где-то, быть может, вкашивали люди на совесть, чтобы из-за общей позорности погано показать, а потом — и забывали об этом. Кости знал, так было не только в парке. Но в репортажах о «собирающихся» не было, а было лишь о сознательных, работавших с большим подъемом и высоким энтузиазмом. И пары из них в это число попали.

Некоторые, конечно, позубоскалили, а Кости знал тогда и скажи: «Что ребята, может, напишут, что я не заслуживаю, что это не нужно хвалить?». Но тут же самые смешные остринцы задумались. Действительно: ухаже, лучше ли, но ведь бесплатно работали, и не отказалось никто. Так что и критиковать их — тоже вроде несправедливо. Следовательно, нужно это дело правильно понимать. Иначе вообще можно потерять чувство реальности, превратиться в пурпурную, в синеву, в зелень, в красноту потешки, что если он скосился тварь, сунул, как слуге, часы, или же мы залезли механизм, что не смешишь более предлагать ему традиционную мудрь, ибо превыше всего уважаешь его человеческое достоинство.

Разумеется, у каждого человека должны быть высокие идеалы. Но ведь и то не случайно, что самые нетленные и прекрасные истини излага-

ют стихами или кладут на музыку. Это чтобы никто не путал: что для книг и что для жизни, что для классических гекзаметров и говорят.

Пишут в газетах, конечно же, и о явлениях отрицательных. Пишут: какого-то журнала вывели на чистую воду, критикуют прогульщиков, бракоделов, пыльцы. Такие публикации вызывают у Кости повышенный интерес, но не порождают в нем внутреннего конфликта, сомнений в том, верно ли он живет, не ввергают его в пучину сомнений. Все величайшие отрицательные люди разбрасывают свои оправдания, передовые критикуют отставших; с одной стороны, торжествует добро, с другой — доиногда злость. Но Кости живет где-то между, в притворизованном нетипичном мире, где все перемешано, все не по правилам; знакомый конструктор — светлого ума и замечательной души человек пытается ученой степенью, в которой он не уверен, видимо, по части чего достать, хотя и скончался и ворогов не дели с ним приятно иметь: не поддается, не обманывает, вычит; а сменщик — на фронте ротой командовал, вся грудь в орденах, исключиительно, говорит, смеется человек... вилес и заносится перед нацистами, словно боится сказать, а дома трусы снять, чтобы вымыться. Вот разбрызгись, я знаю, Германия! где прочтешь об этом? Да обычно и не думаю.

В свободное время Кости часто не любят, отдавая предпочтение телевизору. О Телевидении говорит с благогодарностью, хотя считает, что многое оно еще в вечерние часы передач, которых большинство не смотрят. Например, для пенсионеров и школьников: классика, беседы всенародные, и, наконец, в целом телевидение уважает Костиных интересов.

Человеку после работы надо отдохнуть, поблажки выдавать, посмеяться. Вот тебе концерт, комедия, «огонек», «бакацов». Любят Кости и фильмы, особенно про войну. Вот он не воевал — мал еще был, служил уже много после войны и годы службы вспоминает как самые яркие моменты. Но вспоминает не случайно: он учили в те годы великих сущест целиности, слияния с интересами государства. Главная забота страны была его личной заботой, единственной и понятной. Было трудно, но было ясно и просто — честно, без двойной бухгалтерии вокруг и внутри.

Любит Кости и детективные приключения, особенно хорошие, разные. Издательства, конечно, залог в способности, обдуманности, характера, притворяется, интригует, но ему сопротивляешься, за него боишься, потому что он служит стране. Вот если бы и Костины треки и ухищрения были на самом деле секретным служением такой же прavedной цели, как у Клосса или Уиселса — Штирлица...

Любит Кости и спортивные новинки. Болеет за спортивные команды, болеет за спортсменов, знает, что это не значит, что он тоже может ходить в спортзалы, болеет, хватает, притворяется, интригует, но ему сопротивляешься, за него боишься, потому что он служит стране. Вот если бы и Костины треки и ухищрения были на самом деле секретным служением такой же прavedной цели, как у Клосса или Уиселса — Штирлица...

Кости кружит меня по ночному городу, по новым проспектам и старым извилистым узочкам, по какой-то своей равнодействующей между добром и злом.

...В местной прессе его имя упоминалось дважды: однажды в ряду передовиков соцсоревнования, однажды в ряду врачей.

Впереду что-то прощуршало тихо — похоже, кто-то босой пробежал по ночной набережной. Встревоженные, казалось, зашевелились звезды. Над самой головой адским хохотом рассыпалась синь.

— Фу, черт! Перепугал... — выругалась Колесов и вспомнил вдруг о полночи — времена козней леди. Ведь именно сейчас где-то здесь вот-вот должна зажечься блуждающий огонек волшебного папоротника. Кто отыщет Колесов — цветок, получит в подарок любовь на всю жизнь!

Затем — прозрачный, серебристый светом, перед ними раскинулась Сосновка. На окопные деревеньки недалеко подспелевшим глазом мигала чья-то синь. Но пахнуло печными дымами. Час поздний, в кто-то полуниччинет. Может, Парфен? «Луковый старик»... — подумал Колесов, и теплая волна благодарности за веру в его силы нахлынула непрерывной грустью.

Светлая, все звонящая над спящей Сосновкой ночь, испепела, достигла своей наивысшей красоты. Тишина, необыкновенная, властная, простирается над миром. На дороге, что змейкой упиралась в черную деревню, Колесов замечает воззрывающееся с полетом Фомичева. Надо сказать, чтобы обязательно смазал свой велосипед, решил он и, свернув с дороги, зашагал к Сосновке на премяк, через густую траву, где заночевал мюньский дождик.

подобных случаях, — вокруг и за версту ни души. Сонно отозвался лишь техник Фомичев:

— Какую пленку? Ей никто и не ставил. Крутился здесь механизм, катапульти-проприер, а в пленке команды не было...

Близилась полночь. Полеводы, уставшие от суеты, с эзрардомом он спешат к себе в деревню. Чтобы рассесться от арочных дверей, которые брали дальше — через лес. Меж первых воршин соснов уже обливались пурпур, светлая, близкая. Словно устав подниматься выше, она застыла над рощей и светила лениво, то глядя сонным лицом в глаза путину, то прячась за вытеснутые крючковатые руки деревьев, отчего те, приумневшие странные образы, вставали отовсюду придуманными видениями. Две узкие одинаковые, склонив головы, погнувшись, пленки — светлая, синеватая, — существо, что если он скосился тварь, сунул, как слуге, часы, или же мы залезли механизм, что не смешишь более предлагать ему традиционную мудрь, ибо превыше всего уважаешь его человеческое достоинство.

Разумеется, у каждого человека должны быть высокие идеалы. Но ведь и то не случайно, что самые нетленные и прекрасные истини излага-

первые с нашей стороны

Владислав ЯНЕЛИС,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

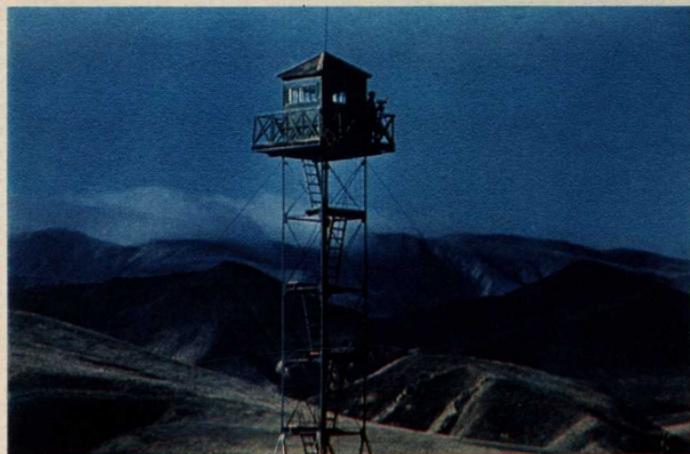
ЗАСТАВА

Нас поселили в небольшом, чисто побеленном доме с жаркой чугунной печью и по-военному скрупной обстановкой. Вставали рано. И первым делом шли любоваться сопками, уже окрашенными ровной солнечной желтизной. Они напоминали раскинувшуюся на синем стадо каких-то привлекательных антических животных, но лишь до той поры, пока из-за хребта не приходили черные, низкие тучи впереди которых с туманом. Тогда оставались только контуры и се-рия мгл.

В такие минуты Лифанов становился неразговорчивым, ходил по заставе, не доброй, подглядывая в лицо соплеменников, израненных, полных неизвестности. Настроение начальника заставы мгновенно передавалось подчиненным.

За сопками — граница, дальше — территория сопредельного государства. На память старшего лейтенанта Лифанова почти не было случай, когда люди, погибшие на территории, выбиралась бы ясный день. Поэтому он не любит туманы, это у него профессиональное. Двадцать лет отдавший границе, Лифанов чувствует ее, как летчик высоту.

Он обстоятелен. Во всем, даже в походке. Любят порядок, бережлив,

ПОГРАНИЧНЫЙ ФОРПОСТ.

стали. Любое девятнадцать, а в этом возрасте свои проблемы. Макаров подмигнул нам: «Оттает! — и, вытащив из кармана крохотный голубеватый цветок (где он ее взял из горловины), протянул Любку. И при этом сказал, что предназначена он единственной и самой красивой девушке на их пограничном участке. Лейтенант ни в чем не преувеличил.

Постепенно Любка оттаяла, но привыкла к какое-то там геройству за собой так и не признала: «Ну, увидев постороннего, пошла позвонить на заставу». Последний раз это случилось незадолго до нашего приезда.

...Вечером Любка вышла встречать товарищ. У разъезда длинный тяжелый поезд сбросил скорость и мягко

затормозил. Знакомый машинист махнул рукой и крикнул что-то, что всегда звали такими девушками. Она хотела ему ответить, но не успела. Человеческая тень упала с подножки вниз и потерялась за платформой. В голове мелькнуло: «Если это кто-то из сопровождающих, то зачем ему сходить, поезд уже трогается?» Она крикнула машинисту «Стой!» и побежала к будке. Справа на столе телефонный аппарат. Трубку взял Макаров.

— Геннадий Николаевич, товарищ лейтенант, на разъезде чумой... Она положила трубку и не слышала, как Макаров крикнул дежурному «тревожную группу на выезд».

Оборудование снова замерло, как чай-то силузт материи в просвете между платформами. Стала немого жуколето, но она все же пошла негоропливой походкой к тепловозу, чтобы объяснять машинисту причину задержки. А когда вернулась к ней, насыпал вззвинули тормоза «газишка» — Макаров, сердце Лошаков со своим Жантом и еще трое высокились из машины. Жант заскреб котлы на гальке насыпи.

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ: ОТДЕЛЕНИЕ В ОБОРОНЕ.

ТРЕВОЖНАЯ ГРУППА ВЕДЕТ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

пас, оставил на границе вместо себя двух сыновей. Геннадий считает, что ему здорово повезло: попасть на заставу, где начальником Лифанов, хотя бы каждый молодой офицер, когда-либо слышавший о нем.

Вокруг нас на многие километры нет человеческих жильев. И потому на земле есть все виды животных вместе с какого-то своим особыми от других обязанности, свое чувство границы, но одна общая ответственность. Очень высокая ответственность за покой своей Родины. Потому что, хотя за спиной пограничников вся страна, впереди нет никого, они первые.

ЛЮДИ НА ПОЛОТНЕ

Дорога металлическим венцом тянется вдоль сопок; на одном из участков она идет близ границы. Есть такие, кто пытается этим воспользоваться.

...Нам не очень повезло: заставы Любку Савеню — диспетчера железнодорожного разъезда — в хужнем настроении. Причин выяснить не

хотя не малочлен, прекрасно знает письменность солдат и очень заботится о них. И еще по-человечески справедлив, никогда не ругает сгоряча, не разозливается. Если ему что-то не подошло, он скажет например: Таков он с подчиненными, таков с начальством. Застава содержится в безумордническом порядке: там, где можно, не имея границ, вынимают соружения, сбрасывают, сбрасывают, все технические устройства. Хозяйство Лифанова и в proximite years было на хорошем счету в округе, а по итогам последней проверки заставу обвинили в отличной. Уверен, что в большей степени это заслуга Николая Ивановича Лифанова.

Его заместитель по политической части лейтенант Геннадий Макаров совсем молод, как и полагается недавнему выпускнику пограничников, несколько застенчив и горяч, как истый южанин. Потомственный пограничник, он родился и вырос в Средней Азии, мальчишкой кочевал с отцом за заставы на заставу, не знал никаких иных игр, кроме пограничников и шпионов. Отец его ушел в зви-

— Где? — спросил Макаров на ходу.
Люба показала рукой в хвост токарного.

Семенцов со мной, двое на другой стороне, Семенцов прикрывает.

Через две платформы Жант разнул повод. Макаров полоснул луком фонаря вдоль полотна. Кто-то впереди бросился бегом вниз к полу.

— Стой!

Дальше было нетрудно. Окруженный со всех сторон пограничниками небритый мужчина в матом пальто поднял руки и склонил голову, подставив под нож собаку.

Вспомнил об этом случае, Лифанов заметил, что, конечно, и без помощи Любы нарушителя все равно задержали бы, однако так оно вернее к хлопот меньше. Рисковала ли Савенок? Да, но подобный риск ис-

толио естествен здесь, что она никогда не призналась бы в этом даже себе. Не знаю, встретимся ли мы с Любой когда-нибудь в других обстоятельствах, но в этих она невольно вызывала в нас чувство уважения к себе. Трудно быть единственной девушкой вблизи от границы, одной выходить ночью к поездам и знать, что мужчины, готовые тебя защитить, не так близко, как хотелось бы.

«ПОСВЕТИТЕ СОСЕДЯМ»

Дорога до проекторного дальневидения, взъевшийся не давать нам скучать, рассказывал по пути всякие пограничные истории. Чего-чего, а их-то у меня в машине набралось предостаточно.

Особенно красавица Макарова ис-

ЖАНТ ПРИНИМАЕТ УХАЖИВАНИЯ ТОЛЬКО ОТ СВОЕГО ХОЗЯИНА.

тория об одном офицере, на которого напал барс. Офицер этот вышел из схватки победителем, но потом полтора месяца отлеживался в госпитале. Рассказывая сцену, он подыгрывал на лицо. Мы, подтыкая вакуумную помаду, внимательно вслушивались, но страха, конечно же, не испытывали: какими мы сидим в автомобиле, а санитарный зверь ходит где-то далеко в горах. Но через несколько дней, увидев на снегу свежий след огромной лапы, я, честно говоря, почувствовал себя не очень уютно. Барс шел к границе параллельно следам небольшого стада архаров. Он охотится.

Первое, о чём я тогда подумал,—

риску, которому подвергаются пограничники, каждую уходя горы. Опасность не только в преследовании с головами зверями: неосторожный шаг в сторону от тропы — и подошвы скользят по обладенному склону сопки. Не успел удержаться, молись, чтобы осталась живым, там внизу — острые каменные зубья, словно гигантская дьявольская расческа, на которую смотреть и то страшно. Особенности трудно здесь новичкам.

Как-то младший сержант Александра Малинин, вспоминая о своем первом наряде, сказал: «Нашли мы на первом участке землю жгучую, сгорела потом за всю службу». Малинин, тогда еще рядовой, был вместе с младшим сержантом Владимиром Назаренко. Он запомнил этот день — 5 февраля. Когда, говоря пограничным языком, они выдвинулись на заданный участок, Александру начало казаться, что за каждым камнем прячется нарушитель. Его была дрожь, он то и дело хватался за автомат. Когда спровадился широк, Малинин, крикнувшись «стой», бросился в ту сторону. Остановился, шептал.

— Так дело не пойдет, — сказал ему Назаренко, ты весь на нервах. Постарайся взять себя в руки.

Александра постарался, но в течение десятка он раз десь доказывал лежавшему неподалеку от него младшему сержанту, что слышит чью-то шаги или покашливание. Через это на засыпке проходит каждый. Вскоре на смену такой вот чрезмерной подозрительности приходит уверенность, что это неизвестные знали пограничный наряд, не притутились.

Длинный голубой луч описал над степью дугу, и, склонившись над дорогой, встал в сторону.

— Заметили с некоторым разочарованием в голосе сказал Макаров. — Сколько ни пытались застать прожектористов врасплох, пустой номер.

О командире прожектористов сержанте Сергеев Львове я слышал еще от начальника полигонетеля отряда подполковника Ваганова. Обладая на редкость послушной и широкой памятью, Ваганов знал почти каждого солдата отряда и имени, как у него дома, где он служил.

— Отличный пограничник, коммунист. Разговаривав с ним и чувствуя, что перед тобой специалист, сочетающий высокую квалификацию со способностью мгновенно оценивать обстановку. В каждом его слове,

движения — уверенность, точность, логика. И при этом необыкновенно зруирован в самых разных областях.

Понятно, что после такой характеристики опытного офицера я ждал первого же случая познакомиться со Льзовым.

Сергей рассказывал о службе проектировщиков просто и уважительно. Терпеливо объяснял смысл тех или иных терминов и слегка подсказывал над моим стремлением докопаться до сути.

Расчет, которым командует Льзов, однозначный. Генераторы, которые только прекрасно владеют своей воинской специальностью, они все до одного отличные стрелки и спортсмены. Рядом стоит турник, и каждый, проходя мимо, считает нелишним несколько раз подтянуться или крутануть «солицца». Льзов авторитетно объяснил, что это бодрота.

Наш разговор с Сергеем definitely прервался в один из Майлов.

— Через минуту пойдёт, товарищ сержант. Самы проводят!

Льзов кивнул и вышел.

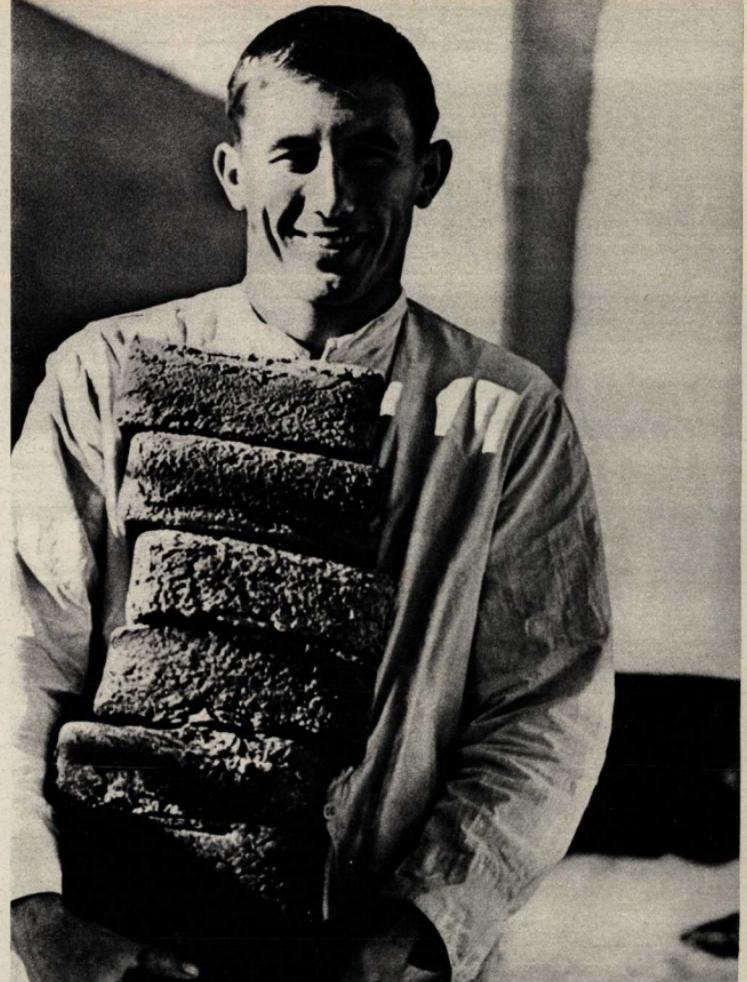
Шелкнув тумблером, Василий Дабкин включил генератор — прожектор уперся лучом в небольшой холм, а затем, познаваясь воле людей, занес светом стель далеко впереди.

...В тот вечер «науч» были рядом: Ворона и Гордеев. В 20 часов 30 минут появился помощник Лифанова и сказал, что наряд соседней заставы заметил двоих незвестных. Те успели замечь и скрыться в зарослях выгоревшей травы.

— Помогите соседям,— распорядился начальник.

Гордеев посмотрел на Владимира Ворона, тот слушал всего несколько месяцев, и сказал: «Спокойно, соберись, прикончи, потомуч, где у них те самодарости, чтобы дать им волю? Туда. Помогите». Владимир сказал, что понял, и, включив дугу на полную мощность, дал луч точно. Через несколько секунд они нашли лучом две фигуры. Нарушители прижались к земле. Владимир продолжал держать их в луче. Тревожная группа пошла с начальником соседней заставы, ориентируясь на свет прожектора, быстро обнаружила незвестных. Позже на проекционной, Лифанов передал пограничникам благодарность за точные луч от начальника соседней заставы и от себя лично.

В одну из темных ночей прошлого года проектировщики засекли незвестного, спрыгнувшего на ходу с поезда. Дежурный Льзов. Сергей взял его в луч и должен был на заставу. Несколько минут он смотрел на него, сержант ни на мгновение не терял его из вида, что было совсем не просто, через несколько минут пограничный наряд задержал нарушителя.

НА АПЕТИТ ЗДЕСЬ НИКТО НЕ ЖАЛУЕТСЯ.

ПЕРЕД ЗАСТУПЛЕНИЕМ В НАРЯД.

Замечательная сплоченность, высокое товарищество помогают этим ребятам отлично справляться со своим делом. И не только со своим. Каждый способен помочь другому на заставе, ибо каждый владеет минимум тремя специальностями. Сергей, к примеру, не только электрик высокой квалификации, но и водитель, механик, начальник проектировщика. Его помощник ефрейтор Валерий Михайлов — электрик, проектировщик, связист, водитель.

Как-то в дежурство Ворона на проектировщике сгорел балластный реостат. До начала работы оставалось три-

дцать минут, заменить реостат за это время мог лишь специалист. Но Ворона, много раз наблюдавший за работой Льзова, рискнул. С помощью Василия Дабкина он снял и разобрал реостат, заменил пластины, а потом водворил все на свое место. И голубой луч вспыхнул, когда это было нужно.

КРАСНОЕ ЧИСЛО БОРИСА ДЗИГАЯ

Накануне вечером он старательно гладил китель и зеркально, осмысли способ чистки пуговицы. Завтра его, рядового Бориса Дзигара, должны были принять кандидатом в члены партии.

Утром Макаров с полчаса погонял Дзигара по Уставу, устроил тщательный осмотр его внешнему виду, и

только после этого они сели в машину и поехали в отряд, где в тот день назначено было собрание. Макаров потом рассказывал, что вопросов к Борису было немногого — парни в отряде знали, и держался он, в общем, молодцом.

У Дзигара подход ко всему свой, любое дело, за которое он брался, прежде основательно изучит, понтеруется, как другим с ним управлялись. Вышли они как-то с командиром группой нарядов — сержантом Сергеем Тарасенко — с заставы. Вдруг Борис на тропе разглядел чайку, который здесь прошел, про человека, вечно чистый, чайку, расскажут? Тот соглашается — попробуй.

Рост его примерно сто седьмдесят, вес чуть ниже нормы, он молод, физически хорошо развит, немного косолап. Человек явно торопился,

XVII съезду ВЛКСМ
посвящается

Борис ЛАВРЕНЮК,
Мирослав МУРАЗОВ [фото]

МИНУТЫ ОЗАРЕНИЯ

«ЖИЗНЬ — ЦЕПОЧКА ОТКРЫТИЙ, И НАЧАЛО ЕЕ — ЭТО ВЫБОР ДОРОГИ».

ТЫ ПРИДЕШЬ, ЧАС ИСКАНИЯ, ТЫ НАСТУПИШЬ, МГНОВЕННОСТЬ РЕШЕНИЯ, И ОПРАВИСТСЯ МОЛОДОСТЬ В ПУТЬ ОТКРЫВАТЬ НОВЫЙ КРАЙ, СЛУШАТЬ НОВЫЕ РИМЫ ЭПОХИ, ДОБЫВАЯ ЗАРИЮ, МОЛОДЫЕ ОТКРОЮТ СЕБЯ».

Этими словами начинается новый одновременный балет «Озаренность» на музыку Александра Пахмутовой, поставленный в Большом театре. Для него написаны слова с музыкой: вместо оркестрового вступления мы слышим голос поэта Николая Добронравова, читающего свои стихи. И эти строки, их смысл определяют характер танца главных героев. Дуэт в ис-

полнности, правильности выбранного пути. Большинство из участников спектакля — недавние выпускники хореографического училища, первый или второй сезон работающие в Большом театре. Их не мог не увлечь пример Нины Сорокиной и Александра Годунова, на которых лежала особая ответственность — и за повседневную работу в ведущих партиях самого основного репертуара и за судьбы «Озаренности», где они были единственными исполнителями главных ролей.

«КАКДОЙ ХОЧЕТ БЫТЬ ПЕРВЫМ — В РАБОТЕ, В ЛЮБИХ, В ПЕРЕПЛЕСЕ, НЕОТВЯЗНО И ДЕРЗКО ЗВУЧИТ, КАК ВЕСЕННИЕ КАПЛИ ДОЖДЯ: КТО КОГО! КТО КОГО! КТО КОГО!

ДИКОВАТЫЕ РЕКИ СМОЛОСТИГО

КОЛДОВСКИЕ ГЛАЗА ЭТИХ РЫЖИХ ТАНЦЫННЫХ ТАНЦОРОВ... ЧТО ПРИГРЕЗИЛСЯ НЫНЬЕ ТЕБЕ? МОЖЕТ, ОБРАЗ ДАЛЕКОЙ ЛЮБИМЫЙ?»

Эти строки поэт Николай Добронравов написал, побывав на repetиции спектакля. Таким образом, танец стал импульсом поэтического творчества, а затем строки стихов с той же эмоциональной силой воздействовали на неосредственных создателей спектакля — хореографов и балетмейстеров, характерный для большого искусства, к какой бы сфере оно ни приналежало. Это было предопределено тем, что в основе балета лежала яркая музыка Александра Пахмутовой — ее Концерт для симфонического оркестра, дополненный по просьбе балетмейстеров большим пиретическим

исполнения Нины Сорокиной и Александра Годунова — связка действия, следующие сцены, как они были означенены в репетиционном плане балетмейстеров-постановщиков, — «Сбор в дорогу», «Переплес», «Путешествие», «У костра», «Размышление героя», «Воспоминание героя и труда».

Балет «Озаренность» обвязан своим повествованием энтузиазму юношеского поколения. Когда же, когда рождается новый спектакль, в театре возникает ансамбль единомышленников, привнесенных к сотворению еще одного произведения искусства: они объединены общим настроением, общей целью, общими заботами. Ребяческое название этого постановки — «Южно-московская стройка». Осуществляя ее, балетмейстры Наталия Рыжкова и Виктор Смирнов Голованов хотели вызвать свое восхищение советской молодежью, ее трудовыми подвигами.

Исполнители готовили этот спектакль в свободное время, в перерывах между обязательными уроками, репетициями и выступлениями. Конечно, не все стартовавшие пришли к финишю, у кого-то не хватило сил и времени, кто-то ушел из жизни, кто-то засомневался в успехе. Право на премьеру получили самые упорные, самые заинтересованные, самые настойчивые. «Озаренность» была для них не только школой мастерства, но и хорошей проверкой сил и воз-

хмурого края. ПРИЛАСКАЙТЕ РЕБЯТ! (ВЫ ТО ЗНАЕТЕ: ТРУДНОСТИ, БОЛЬ И БОРЬБА — ВПЕРЕДИ). А ПОКА... ТИКО ЛЮДКИ ПЛЫВУТ В СИНЕВУ. ЮНЫМ КАЖЕТСЯ: ВСЕ НА ПЛАНЕТУ ВОЗМОЖНО.

ВПРОЧЕМ, РАЗВЕ НЕ В ЭТОМ ПЬЯНЯЩАЯ ЮНОСТЬ СИЛЬНЕЕ ВСЕХ? ЧТО ВЫПЫТАЕМ СОТРУДНИЧАЩИЕ ПРОМЭШИ НЕДРА, ЧТО НЕ СЛИПНАМСЯ, ПСЕНЕЙ ЗАМЯШЕЙ СРЕДЬ ВЫСОКИХ МЕТЕЛЕЙ КОСТЫ?!

Нина Сорокина накануне премьеры дебютировала в балете «Каменный город» Сергея Прокофьева, выступив в партии Хозяйки Медной горы. На следующий день зрители увидели ее уже в «Озаренности». Станцевать подряд два разноплановых спектакля ей позволили замечательные физические данные и отличная физическая форма и конечная опыт. Нина Сорокина не в первый раз создает на сцене образ современницы. Достаточно вспомнить хотя бы спектакль «Геологи» Николая Керетникова, где она исполнила одну из центральных партий.

А вот для Александра Годунова «Озаренность» — первая встреча с современным героям. После «Лебедя» и «Дон-Кихота» в роли Карины Карениной, «Кармен-юнты» он в «Озаренности» показал на сцене образ молодого вожака, привлекающего своей искренностью, убежденностью, чистотой.

«ТЫ ВГЛЯДИСЬ, ТЫ ВГЛЯДИСЬ В

адажио. Сочинение Пахмутовой захватило хореографов своей свежестью, мелодичностью, мягкостью интонаций. А найти нужное решение им помог не только сценический опыт, но и личные впечатления от встреч с смелыми и мужественными людьми, преображающими сибирские просторы, нефтяники из Тюменской области, студентами и учениками Новосибирского академгорodka.

«ДАЙ, ЛЮБИМАЯ, ПРИЛЕТИ, ХОДИ МНЕ УВИДЕТЬ ТЕБЯ, ПРИЛЕТИ, ХОДИ МНЕ УВИДЕТЬ МОХО, ХОДИ ВДЕЙСТВО, ХОДИ ХРУПКОЙ НАДЕЖДОЙ. ДАЙ МНЕ КРЫЛЬЯ ПРОВЕРИТЬ СЕЯ, ДАЙ МНЕ МУДРОСТЬ ПОВЕРИТЬ СЕБЕ И ПОИСКАТЬ, ЧТО КАКИЕ СВЯЗИ СЕРДЧА, ПЕВЕЩИЕ ВСЕЕ ВЕЧНОСТИ, СОЛНЦА И СТАНОВИЩА СТРОЙНОЙ, СОЛНЦЕМ, БОГАТСТВОМ СТРАНЫ. ТАМ, ВДАЛИ, ЗА ГОДДАМИ ИСКАНИЯ НАЧИНАЕТ ПУЛЬСИРОВАТЬ СВЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ПЕРВЫЕ ЗОРЬ СВОИМ ОДАДАТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ЗЕЙСКАЯ ГЭС, МОЖЕТ БЫТЬ, ЗА НЕЯСНЫЕ ЕЩЕ ГОРИЗОНТОМ ЭТО ВСЫПЫХНУЛИ НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ БАЛЕТА».

Всего 20 минут идет новый балет, но затрачивается он надолго. Хоть со мнения, что «Озаренность» — это, безусловно, большая удача молодых артистов, поставивших свою работу XVII съезду ВЛКСМ и 50-летию комсомольской организации Большого театра.

Пода два назад нашими соседями за столиком в кружевемся кафе берлинской телебашни оказались немецкие офицеры из армии парада. Они представились, и вскоре занялся не только парный разговор. Командир отдельного саперного батальона в прошлом, ныне коммерсант из западногерманского города Аугсбурга с супругой приехали в Берлин по делам. Он не преминул сразу сообщить мне, что непосредственно в боевых действиях против русских их участники его батальон занимался минированиями железнодорожной полосы, а при отступлении взрывал мосты, мосты и тому подобные структурные объекты.

— И школы? — спросил я.

— Школы тоже... — последовал ответ, — если в них могли быть оборудованы казармы.

Узнав, что я воевал под Ленинградом, он воскликнул:

— О герр хуатман, так мы воевали с вами на одном фронте!

Я не успел ответить на эту реплику. Меня определили для фронтовки.

— Ты неудачно сострил, Густав... — оборвала она его... С русскими мы никого не были на одном фронте... И вообще довольно политики, господи. Мы мирные коммерсанты, да и вы, я вижу, тоже давно вышли из щеколд. Германцы нам по-всегда были друзьями, племянниками, родственниками.

Мы пили кофе с коньяком, смотрелись как медленно, вроде бы некогда, кружились вокруг кресла в зале, поворачиваясь то западной, то восточной стороной, обменивались общими фразами о достижениях науки, об удобствах национального быта, о том, как растут дети и взрослые. И все-таки мы опять вернулись к вопросу: «Экс-подполковники», посмотрев на старый альбом, который я показывал, — это нечестно, нечестно, нечестно! — заметил я.

Всё равно война между нами была ненужной. Ели бы я фокер в иске 41-го не перепал греннику, то ты бы перешел ее самое через месяц.

Я возразил. Приводил общеизвестные факты и данные, скисавшие на различные исторические документы, материалы Нюрнбергского процесса, вспомнил «планировщиков». Но мой собеседник склонялся улыбкой: «Конечно, победитель всегда сумеет доказать вину побежденного. Вот если бы было наоборот...»

Иscrивив все аргументы, я спросил у своего собеседника, должна ли армия, которая готовится к захвату, подумать о задачах военных переводчиков: ведь предметом работы не только с пленными, но и с населением чужой страны.

— Погоди, сказал я, — в войсковых частях и соединениях Красной Армии вплоть до самого начала войны не было даже такой специальности: военный переводчик. Она родилась с войной.

— Откуда же это известно? — спросил в один голос герр и егоfrau.

— Из собственной военной биографии. Я как раз изучал в школе основы первых отрядов военных переводчиков 1941 года.

Я не уверен, что аугсбургский коммессант до конца поверил в то, что я ему рассказал. Но скажу, думается, разговор был не напрасный. О переводчиках почти ничего не писалось. И многих из работ представляется чуть ли не работой полуавтомата. Перед глазами стоит пишущий, телекранный изображение владыка языком перевода, сплошь занятый текстом и без запинки переведом, что называется, «студя и обратясь».

Нет, тогда все было не так.

...У нас в московской школе № 71, расположенной в одном из арбатских переулков, преподавали немецкий язык, как обычно. Но какие знания иностранного мы могли вынести из средней школы и даже вуза, если он не «языковый»? Поэтому, когда в августе 1941 года я окончил школу, я вернулся в Москву из под Смоленска, где работал на строительстве оборонительных сооружений, то меньше всего думал о работе военных переводчиков. И моя другая Женя Аланьевна, Женя Кашикова, Миша Лобарский (все трое погибли в зимних боях под Москвой) искали в Киевской райкоме комсомола с просьбой направить нас в действующую армию. Сначала нам отказали, сказав, что в армии переводчики не нужны, секретарь райкома, спрашивая у нас: «А как называют немецкий язык? Какие оценки были в школе?» В общем, оказалось синонимично: «у обоих Женек и у Мишки «отва». У меня — «хор».

Тут же дали нам направление на курсы военных переводчиков, только что организованные при 2-й Московской государственной педагогической институте иностранных языков.

Несколько документальная новость «Язык и языки» публикуется в № 9 альманаха ЦК ВЛКСМ «Подвиг».

Мы не хотели быть переводчиками. Это казалось чем-то недостойным настоящих воинов, профессий чисто гражданских.

Но неожиданно нас по дороге Женя Аланьевна — все равно при первом же знакомстве с нацистским немецким языком вытащила в шею.

Потом мы довольно смело представили перед курсовым начальством. Помню, что отборочную беседу провел с нами тогда Парпир (ныне один из крупнейших специалистов в области военного перевода, автор многих книг). От него мы услышали безжалостный приговор: «Годятся!» Через некоторое время мы получили военную присягу, мы приступили к занятиям.

В сентябре и начале октября 1941 года известия с фронта становились все тревожней. Мы ждали, что не сегодня-завтра нас отправят на передовую. И были к этому готовы. С утра до вечера мы занимались не только языком, но и боевой подготовкой: изучали приемы борьбы с танками, тактику рукопашного боя, азы французской артиллерии. Естественно, четко прояснили, за что мы боялись и быть не могли. Курсы создали в самом тяжелом времени. Многие из нас, что нам потом подсобились на практике, мы не проходили и в то же время трясли массу времени на совершенно не нужные вещи. Помимо, например, что мы очень подробно изучали знаки различия по темамкам к книжкам на парадных мундирах офицеров. Да всю войну я ни разу не встретил ни одного парашютиста, который бы не был в парадном.

Вскоре нас одели в военную форму и в начале октября перевели на казарменное положение. Вспоминаю, как в первый же вечер к кортесам Спасской казармы пришла моя мама. На следующий день она должна была эвакуироваться с моряками из Ставки и потребовала немедленно направить переводчика для допроса пленных немецких летчиков, сбитых под Москвой. Насколько мне известно, это был первый случай пленения летчиков в окрестностях Москвы. Вероятно, иначе им бы было спокойнее избавляться большую группу корабельных офицеров. Они были направлены в «Московском Большевиках» 2 декабря 1941 года.

Недавно я перечитал «Она написала очень эмоционально, полна ярости и презрения к воздушным бандитам. Но если внимательно вглядеться в нее, то нетрудно понять, что фактического материала в ней крайне мало. Звание, имя и возраст летчиков да еще упоминание о Греди, где один из плененных летчиков изложил свою «железный рассказ». Правда, в замечании было сказано, что летчик изложил свою историю в виде хуарта, извращающегося, не хотят говорить правду. И заканчивается сообщение словами: «запрос продолжается». Ему автор следовало бы написать «запрос начиняется», потому что летчикам было не до хуарта. Они просто не понимали вопросов. Так, например, в течение часа несколько раз спрашивали Ставки безуспешно пытались узнать у плененных адреса, телефонов, боевой состав, дачу им полномочий ассыдами. Но в этот раз, когда переводчик произнес слово «швардия», пленные вслушивали переглядывались и молча покидали плац. Дело в том, что такого слова в немецком языке нет. Эсэсариала — это «швардия». Да переводчик сам нуждался в переводе. Это поняли и драпировавшие. Во всяком случае, авторы упомянуты в дальнейших работах в Ставке об этом. Их было...

Я считаю, что после первого печального опыта моей карьеры военного переводчика закончится. Но нужда была настолько велика, что даже мои весьма идиозные знания языка оказались не-

имануил ЛЕВИН, капитан запаса

ЯЗЫК И

им семилетним братом (отец в ту пору был уже на фронте). Мама принесла мои любимые пижамы с капюшоном и попытку помыть. Конечно, не удалось вернуть ей подушку, она скакала. «Всё равно останется грязью. Пусть на ней будет спать другой солдат. Чтобы хорошо воевать, надо хорошо выспаться...»

Через несколько дней мы покинули Спасскую казарму. Это было 12 октября. В Москве мела настоящая злая зимняя пурга. Наш курс прудился на пароходах в Южном речном порту. Преподаватели из кадетской школы, тренируя из курсов еще не выстроившиеся ряды, погоняли мыльные пальмы по Ставрополю на Волхове (ныне Тольятти).

Память кудато в тьма, когда под Москвой решается судьба Родины, было невероятно трудно. Ни мы ужасно носили форму и обмыли были подчиненысь приказу.

Итак, мы с Смирновым, старшиной русским куратором, Администрации и руководством курсов, студенты 2-го МТИГИ, размещались в кумысноминске в нескольких килюстрах от горючка, мы, курсанты — в маленьких частных домиках построенных в каждом.

В конце ноября на фронт отправлялись первый отряд военных переводчиков. Часчились в него и меня. Высчитали, сколько мы учимся. Получилось, что немногим более двух месяцев. И вот в первые дни декабря мы в постели, во все-таки крепко не прошло даром, испытывали условия структуры вермахта, получили представление о военной терминологии и военном деле.

Итак, в последний день нас построили, зачитали приказ о присвоении каждому звания техника-интенданта второго ранга (соответствует лейтенанту) и повезли в Куйбышев, где находились в то время Учебный центр Красной Армии, а оттуда — в сороку зиму 1942 года штаб нашего 13-го механизированного корпуса, которым командовал генерал Николай Иванович Гуткин.

Я запомнил первую встречу с ним на всю жизнь. Он был коренаст, внешне суров и необычайно мягк душой. За его спиной была гражданская война, ранения, солдаты укладывали его. В день проприя я пришел к нему и доложил, что языка и знаю и к переводе работы не пригоден.

Генерал не только выслушал, покачав головой:

— Знаешь, языком не владеешь?

— Так точно. Разрешите спросить?

— Да, иди. Иди и учись. И запомни, сынок, чем лучше ты будешь знать язык, тем меньше будет у меня потерь. А заменишь во вражеском тыбе некем...

И я ушел в языком незнакомый мир. Учил языки, тогда я впервые в жизни сол на лопаць и конные рейды были для меня тоже не простым испытанием, учил я костров, в перерывах между боями.

Известно, как много важного можно почерпнуть из солдатских писем. Тут сведения о насторожении на фронте и в тылу, обеспеченности боеприпасами и продовольствием и данные о потерях. Там же можно было прочитать о погибших. Но вот неизвестно: почти все они были погибны врагом, не по немецки. Дело в том, что в Германии тех лет люди, как правило, писали готическим шрифтом. При этом письменная готика была сверхредко не похожа не только на латинский шрифт, но даже на печатную книжную готи-

ческими буквами. Так, в декабре 1941 года я оказалась на Волховском фронте и уже в январе 42-го принял боевое крещение в должности военного переводчика 13-го гвардейского кавалерийского корпуса. Он состоял из четырех дивизий в направлении на Ленинград. Это была первая попытка прорвать блокаду.

Память людей до сих пор хранит имена героев тех далеких сражений. Вблизи лесного поселка Радюбинского, Тосненского района есть место, называемое в народе «Гусин лагерь». Именно здесь стояла в сороку зиму 1942 года штаб нашего 13-го механизированного корпуса, которым командовал генерал Николай Иванович Гуткин.

Я запомнил первую встречу с ним на всю жизнь. Он был коренаст, внешне суров и необычайно мягк душой. За его спиной была гражданская война, ранения, солдаты укладывали его. В день проприя я пришел к нему и доложил, что языка и знаю и к переводе работы не пригоден.

Генерал не только выслушал, покачав головой:

— Знаешь, языком не владеешь?

— Так точно. Разрешите спросить?

— Да, иди. Иди и учись. И запомни, сынок, чем лучше ты будешь знать язык, тем меньше будет у меня потерь. А заменишь во вражеском тыбе некем...

И я ушел в языком незнакомый мир. Учил языки, тогда я впервые в жизни сол на лопаць и конные рейды были для меня тоже не простым испытанием, учил я костров, в перерывах между боями.

Известно, как много важного можно почерпнуть из солдатских писем. Тут сведения о насторожении на фронте и в тылу, обеспеченности боеприпасами и продовольствием и данные о потерях. Там же можно было прочитать о погибших. Но вот неизвестно: почти все они были погибны врагом, не по немецки. Дело в том, что в Германии тех лет люди, как правило, писали готическим шрифтом. При этом письменная готика была сверхредко не похожа не только на латинский шрифт, но даже на печатную книжную готи-

тику. Пришлось с помощью пленных срочно обнаружить письменный языки.

Еще больший тупикставил меня исковерканные названия наших городов. Допустим, еще можно кое-как догадаться, что Эмга — это Мга. Но попробуйте расшифровать название такого города, как Плескава. А оно было очень важно, так как по всем данным там находился штаб северной группы войск. Долго я бился над расшифровкой этого названия, пока в наши руки не попала трафейная карта. Плескава оказалась нашим древним Псковом.

И это далеко не единичный случай словесной путаницы.

Фронтовики знают немецкий язык «языка» особенно из-за большого наступления, когда не полностью ясны замыслы противника, надо уточнить огневую систему и характер укреплений, проверить артиллерийские данные о передислокации вражеских частей. «Язык» в таких случаях добывали любым ценным способом. И если враг не имел пленных, то его перебежчиков заменяли многою. Он обязан разговорить любого «языка» — трусивого, угодливого, забитого, тупого, надменного, кадрового военного и новобранца, эсэсовца и ополченца... В каждом случае необходим свой подход, свою «тональность» допроса. Надо безошибочно определить: где вранье, где хвастество, где сознательная дезинформация. Каждый допрос — это психологическая игра с врагом, подобно големской шахматной задаче, в котором ты не имеешь права проигрывать. Поэтому что это не твой личный прокурор.

Весной 1944 года под Нарвой готовилось большое наступление войск 2-й Ударной армии, которой командовала Герой Советского Союза, инице генерал армии, И. И. Федонинский. И вот на-

настоящиков приглашает к себе один из пленных.

— Что рано?

— Ницаг нет. Всех раненых и больных мы уже отправили в госпиталь.

— Значит, одно из двух, — решая я, — либо сумасшедший, либо фельдмаршал. никакой другой пленный не осмелился бы вызывать к себе советского офицера.

Я вошел в подземный сарай, когда пленные, уже погиб устремились на ноги, — было сломано много оружия, и я, как всегда, и застыр на стоящем «смирно». И тут в противоположном углу сарая я увидел необыкновенную картину: в большом старинном кресле, неведомо как попавшем сюда, восседал человек в немецкой форме, а за его спиной виднелася фигура другого военного. Человек в кресле продолжал сидеть.

Каково же было мое удивление и, естественно, возмущение, когда подойдя ближе, я увидел на склоне старческого лица героя Германии. Не будем спорить, что он был герой, как офицер приподнялся и величественно протянул мне руку. Я ожинала все, что угодно, но только не этого. И совершенно сбитый с толку, честно не зная, что это за герой, я поклонил ему руку. Тут заговорил человек (по погонам унтер-офицер), стоявший позади кресла. Он торжественно произнес, что меня приветствует его светлость герцог, и далее называл восхыщенное имя владыки креста. Я не знал, что такое импературистское звание, и член обер-лейтенант запомнил лишь напоминавший заговор.

Господин офицер, — сказал он, — вы уже знаете, что я лицо королевской крови. Согласно освещенному веками этикету мне даже в военных условиях положена отдельная комната и прислуга.

рина Янова. Аркадий Гендель, Александр Михаил Георгиевич кавалер, поминавший немецкого капитана со времен австро-венгерского периода, инженер Григорий Гильбо. Все они были отмечены боевыми наградами, многие получили офицерские звания.

В конце войны мне довелось принимать участие в переговорах о капитуляции крупного немецкого гарнизона города Грайфсвальда на севере Германии в ночь на 30 апреля 1945 года (этот эпизод запечатлен в известном пятисерийном телевизионном фильме производства ГДР «Советы пробуждаются» по одноименному роману бывшего военного комендантства города полковника вермахта Р. Петерсгейгена). Штаб 2-й Ударной армии находился в Альтенхаузене, находящемся недалеко от южнее Грайфсвальда. Штутгарт этого города плавировался на рассвете. И вот примерно за час до начала артиллерийской и авиационной налета на Грайфсвальд в расположение наших войск прибывает легковая автомашиной под белым флагом. В ее парандыре во главе с ректором университета профессором Катием. От имени военного комендантства полковника Петерсгейгена они простили нам солдатам и офицерам право на борьбу избежать бессмысличного кровопролития и разрушения 700-летнего университетского города.

Командарм И. И. Федонинский капитуляцию принял. Было установлено, что подписание акта состоится днем 30 апреля в ратуше сразу же после того, как в город вступят наши передовые части. Однако до этого момента немецкие парламентеры просили направить вместе с ними в город представителя советского комендантства, который подтвердил бы, что капитуляция принятия и жителей города гарантирована безопасность, а солдатам и офицерам вермахта — честь и достоинство.

Начальник разведывательного штаба армии полковник П. М. Симонов (через несколько часов он стал первым советским комендантром Грайфсвальда, выше генерала, почетный гражданин города) направил с парламентерами меня и двух автоматчиков. По дороге на окраине города наши автомашинами были обстреляны эсэсовцы. Мы отвечали им из автомата. И благополучно добрались до города. На пути перед строем я сообщил об условиях, в которых советское комендантство приносило капитуляцию.

После моего выступления последовала команда старших офицеров, и подразделения разошлись по своим помещениям. Оружие было сложено в специальные камеры и закрыто. Упор осталась лишь вооруженная охрана из преданных Петерсгейгена людей. Там же, в казармах, разумный упреждение гарнизон был интернирован воителями в город нашими войсками. Ни одного выстрела в Грайфсвальде сделано не было.

Из казарм той же ночью я проехал на квартиру герцога, где в это время находился представитель военного города Штадтлуцца и связался с военным комендантлом генералом Гаусицем. Петерсгейген сообщил своему соседу о капитуляции и послователю сделать то же самое гарнизону Штадтлуцца. Взял трубку, и повторил условия советского комендантства, которые ранее были доведены до сведения грайфсвальдского гарнизона. Генерал Гаусиц обещал подумать. Однако на следующий день в Грайфсвальде оказалась группа из четырех немецких офицеров, включая герцога, бывшего на остров Рюген, и оттуда морем на запад. Гарнизон был брошен на произвол судьбы и после небольшого боя сдался.

Там, на берегу Балтики, и закончилась для нас война.

Но не кончилась на этом работа военных переводчиков. В первые послевоенные месяцы именно с их помощью военная администрация и военные органы устанавливали контакты с населением, помогали налаживать мирную жизнь, разъясняли политику Советского государства по отношению новой Германии.

Я часто бывало в Грайфсвальде. И каждый раз видел разительные перемены в этих самых областях жизни. Радостно называть, что ты был в числе тех, кто в далекие и трудные годы заложил фундамент дружбы.

По традиции памятники Московского института физкультуры вспоминали в начале учебного года тело у памятника павшим воинам-однополчанам, что установлен у главного здания на Метростроевской улице, дают клави. Есть в ней такие слова: «...Обещаю сию хранить германские традиции воспитанников института, отдавших жизнь в борьбе за нацию социалистическую Родину». И каждый раз, проходя по этой улице, я вспоминаю своих товарищей, военных переводчиков, не вернувшихся с войны. И с гордостью думаю о тех, кто и сегодня в строю.

“ЯЗЫКИ”

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

кануне объявляется перебежчик в звании унтер-офицера. На допросе он заявляет, что коммунист и перешел с важными сведениями. По его словам, на направление нашего главного удара немцы со стороны Балтийского моря, чтобы в первом же бою перебежчик сдал сплошь частями вражеские монти, глубоко эшелонированные укрепления. Сообщение это серьезно насторожило наше командование: если перебежчик не лгал, нужно было предусматривать план наступления, а это требовало времени.

И все-таки он попался. Попался на нумерации почтовой почты. Стремясь наше дезинформировать, герцог, не пытаясь выдать себя за героя, сдало его всем, не побоявшись, да и не опасаясь, что армии командиров подозревают. Но оно и ушло что у нас был список полевых почт почти всех частей и соединений немецкой армии, к этому времени наша разведка знала многие секреты противника. Гитлеровцы этого не подозревали. В конце концов «перебежчик» признался, что фашистское командование рассчитывало поймать нас на эту утку и тем самым выиграть время.

Советские войска не подозревали.

Было это в конце марта или начале апреля 1945 года где-то за Одером.

Война близилась к концу. На дорогах все чаще попадались серо-зеленые колонны пленных, которых сопровождали два-три наших автоматчика. Порой пленные двигались и в бои без оружия, во главе каждой колонны, как правило, шел старший немецкий офицер с документом, где указывалась сборная точка. Недавно, сказали, что лица пленных выражали отвращение. Напротив. Многие улыбались, что-то мурлыкали себе под нос. Их можно было понять: они уходили прочь от пропагандой виновных.

На одних из фольварков, только что захваченных нашими войсками, склонились большие группы пленных солдат и офицеров противника. Попытку дела было بعد вечер, решали разместить их до утра в большом сарае. Я успел сделать двадцать контрольных допроса, как вдруг вошел старшина — начальник караула и доложил, что меня

— Для нас, господин герцог! — ответил я, — вы не лицо королевской крови, а пленный обер-лейтенант германского вермахта. Располагайтесь здесь, как и другие. Кресло убрать, — приказал я своим солдатам и направился к выходу.

— Господин капитан, — услышал я голос герцога, — оставьте мне хотя кресло! Как родственнику!

Все это начинало скакивать на оперетту. Но его светлость все obstоятельно обзываешь. Выходило, что одна из его теток была родной сестрой Марии Федоровны, матери Николая II. Словом, последний русский царь приходился кузеном моему собеседнику.

— Слушаю, — закончил описание своего генеральского звания герцог обер-лейтенант, — именно по родственным соображениям я отказался воевать в действующей армии и всю войну находился в тыловых частях.

Я не верил, что именно по этим соображениям герцог находился в тылу. Но это было правдой. Лицо королевской крови работало по схеме. Как утверждалось, подтверждалось документами. Я усмехнулся и махнул рукой, как бы говоря: «Хорошо, как на троне. Аремя в кресло до общего пользования».

Не только допросы и разбор документов входили в обязанности военных переводчиков. С радиоперевозчиками мы выходили на передовую, пытались (нередко удачно) подслушать переговоры командиров немецких подразделений, а во время налетов авиации — донесения летчиков, которые обычно давали открытый текстом. Но мои глаза погибли под Тарту чудесные ребята, ленинградские студенты-филологи. Бомбы угодили прямо в библиотеку, где они сидели со своими аппарата

С 1943 года и до конца войны я руководила переводческой службой разведывательного штаба 2-й Ударной армии. С радостью и гордостью вспоминаю своих боевых товарищей, военных переводчиков, с которыми прошел от берегов Волхова до древних ганзейских городов Германии. Кадровых военных среди них не было. Да и специалистами их в наименее трудно было назвать. Елена Корчагина, Ма-

ЛИХТЕНШТЕЙН

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ

„ДЕЛОВОЙ РАЙ“

Лихтенштейн. Помню, у нас, юных коллекционеров, появилась мечта этого далекого княжества: котировалась необычно высокая цена, казалась теперь сказочная, это

...и вот в столице Лихтенштейна — Вадуце. По центральной площади снуют туристы с фотоаппаратами. Американцы, японцы, французы. Очевидно, их тоже привлекла экзотика этого лихтенштейнского государства.

Что касается нашего, то это торжественная езда на машине — вот и весь Лихтенштейн. А насчет экзотики можно послорить. От других карликовых стран Лихтенштейн отличается в этом смысле не в лучшую сторону. Здесь нет небесной синевы Сан-Марино, рулетки Монако или памятников старине Андорры. Правда, есть в Лихтенштейне уникальная фабрика, которая делает искусственные зубы из фарфора. Пятьдесят человек производят ежегодно 60 миллионов зубов. Для всех стран мира — самое чистое изложение. На любителей.

А в остальном в Лихтенштейне преобладают далеко не экзотические, будь то тюльпаны, бурый ландшафт [буровоз], бурый замок на горе, неброская национальная одежда, тоже бурого цвета: фетровые шляпы и узкие штаны мужчины, широкие в сборку пышные юбки женщины. Встретишь лицо в национальных одеждах можно где-нибудь в дорожном ресторане — местная экзотика для туристов. И еще по праздникам. Тогда же исполняются и национальные песни — так называемые «юденди». Появятся триольским фальцетом.

По праздникам по улицам проносят корону из цветов. Очевидно, для того, чтобы не забыть: Лихтенштейн в 1719 году родовое по-

чество князей Лихтенштейнов провозгласило себя [с высочайшего соизволения императора] независимым самодержавным государством. И с тех пор из поколения в поколение князь-правитель живет со своим многочисленным семейством в буром замке на горе.

Чтобы не отставать от новых веяний эпохи, в 1862 году князь дал стране либеральную конституцию, учредил парламент. Но в 1866 году монархия стала конституционной. Как всякий конституционный монарх, князь Лихтенштейн имеет право созыва и распуска парламента. Но в отличие от других монархов он не имеет армии. В последние раз Лихтенштейн «зовет» в 1866 году во время австро-пруссской кампании. Он полностью вооружен, но помочь не успел: Австрия была разгромлена.

Судьба спасла армию Лихтенштейна и парламентарии — парламентарии рискуя жизнью и панцартом пришли на заседание князя и панцартом пришли на заседание князя и провозгласили постановление о нейтралитете и распустили вооруженные силы. Последний лихтенштейнский солдат мирно почил в 1928 году. А еще до этого, в 1918 году, Лихтенштейн перешел под покровительство Швейцарии — другой по-своему карликовой страны.

В качестве суверенного государства Лихтенштейн имеет границы. Но обнаружить их — дело нелегкое. Ни по-лосатых пограничных будок, ни шлагбаумов. Утверждают, что на границе со Швейцарией стоит щит с указанием: «Фюльштеттум — Лихтенштейн». Кто бы это мог быть? Канадо-американцы? Нет, Лихтенштейн не является особы различий с соседней Швейцарией. Тот же горный ландшафт; те же альпийские луга с маками, примулами, рододендронами; те

же герань в окнах домов. Те же банки [«Союз швейцарских банков»] и те же франки. Вот уже лопека, как в княжестве введен швейцарская денежная система и таможенная.

Правда, имеются и некоторые серьезные различия в добре. Во всем подобно соседней ФРГ. Референдум 1971 года дал швейцарским женщинам право голоса. Лихтенштейн тоже провел референдум итвердил заявку [голосами мужской половины]; нет! И таким образом остался единственным государством Европы, где женщины не голосуют. Чем же это объясняется?

А каковы отношения Лихтенштейна с внешним миром? Очень любопытные. Вы не обнаружите в Вадуце табличек с наименованиями иностранных посольств: таковых [посольств] здесь попросту отсутствуют. Интересы княжества за рубежом представляет все та же Швейцария.

Зато существует обилие других табличек. С наименованиями иностранных торговых, промышленных и финансовых фирм.

...Обычный вход обычновенного трехэтажного дома. По бокам от входных дверей пятнадцать медных табличек: «Дженерал Импорт Экспорт Компания», «Эроплаки», «Пирренна»,

«Кредит Ашталпти», «Электрик энд Пасифик Корпорейшн», «Марло Интернейшнл Лимитед...» и тому подобное.

Где же они умещаются, все эти ашталпти и корпорейши? Во всяком случае, не в здании дома. И не в Лихтенштейне вообще. Это просто чистое блюдо, бро, то есть просто один табличек. Самые же фирмы спокойно предъявляют в Мюнхене, Берлине, Мадриде, Милане, Нью-Йорке...

Так, известная «Вестерн Интернейшнл Граунд Майнтанис Организации», которая финансируется все эти годы из общего бюджета бывшего Бельгийского Кongo, была создана в тот же самый момент, что и правительственные управление Соединенных Штатов с пропиской в Лихтенштейне. Так же прописка и у одной из крупнейших американских финансовых компаний «Вэллс Фарго Экспресс Компани».

Лихтенштейн существует определенная рабочая формула для освоения иностранных капиталов: «Фондат «Элпс Фарго...», например, воспользовалась формулой так называемого «домашнего предприятия» [«Энгельзальфте»]. Такая формула способствует избежанию налоговых санкций с чистым прибылью. Следует предполагать, что суммы чистой прибыли «компаний»

занимаются. Ведь Лихтенштейн насчитывает 22 тысячи жителей. Включая грудных детей. А иностранные компании, утверждают некоторые, здесь не менее 25 тысяч. Точные цифры выяснить невозможно. Ни кто, дано правительство, не имеет права выяснить точные цифры. Это касается не только иностранных, но и некоторых местных компаний, но и к прибыль. Остается верить на слово.

В Лихтенштейне уважают деловых людей и с гербом Лихтенштейн на поясном листе винят их полное почтение. Но это не значит, что потому многие фирмы не имеют в княжестве даже собственных бир. Довольствуются почтовыми ящиками, табличкой или регистрацией в телефонной книге. Время от времени в газетах Европы и Америки появляются предложения о продаже «рабочими физическими» предприятия в Лихтенштейне.

Многие из владельцев лихтенштейнских фирм сами в княжестве ни разу не были. Имеют там секретари. Всегда получают телеграфную переписку и телефонные переговоры. В 1972 году поступления от государственно-имперского бюджета составили 67 333 500 швейцарских франков. Из них 7 466 500 швейцарских франков дали почта, телеграф и телефоны.

Жители Лихтенштейна любят говорить, что жизнь у них нетропальная и спокойная. Так оно и есть. И если все же где-то они кидают, то это именно на почте. Сюда беспрерывно приезжают из Германии, из которых выходят молодые люди, которые женщины все в строгих деловых костюмах [мужчины при галстуках] — с воротниками корреспонденции для отправки. И выходят из почты спеша, таки нагруженные воротниками прибывающей корреспонденции.

Кстати, о молодежи. Она здесь тоже не живет. Живут в Нью-Йорке, в Гонконге, в Лондоне, в Монреале, в молодых людях почти не видно. Они за контролеры банков, в туристических организациях и в бюро. Все предпринимательские, вспомни, служебные. Но в определенных пределах. Общие сведения — показухи. Точные цифры — извините.

Клод К., с которым я беседовал [он профессор политологии], в частности, не составляя в этом плане исключения, Клод двадцать пять лет. Он работает в бюро. Слово «бюро» родилось в Лихтенштейне. Оно производное от «бюро» и «гостиницы». Бюро — это гостиница, где люди могут получить все необходимое для пребывания человека, вплоть до саморега, обладающего знаниями нескольких иностранных языков.

Клод знает четыре европейских языка. Жизнь своей доволен. На этот вопрос отвечал вполне, на удивление. Он заняточен университет в Цюрихе. Лихтенштейн вышеширокий, чем в Западной Европе нет! Мог устроиться на приемлемую работу в Германии, но решил вернуться в родной Лихтенштейн.

— Дел здесь хватает. И дела процветают. Многие швейцарцы сами приезжают к нам работать. Чем я занимался? Всёкое приходится делать. Конкретнее? Секретарская работа.. Составление и вынос административного совета иностранных компаний! То есть..

..Я понимал Лихтенштейн с некоторой грустью. Рассставаться с экзотическим представительством дистанционно было невозможно. Страна-карликовая страна оказалась обычным «дипломатом» речи, где сама мечта предстает в виде круглой цифры со многими нулями.

КНЯЖЕСКИЙ ЗАМОК.

СЕЛЬСКИЙ ВИД.

ГОРОД ВАДУЦ.

значительно превышают сумму выплачиваемого им налога [1 процент с вложенного капитала]. Иначе для чего основывать свое представительство в злоконском княжестве.

Правда, имеется еще одно условие для создания «домашнего предприятия»: его административный совет должен одобрять и входить житель Лихтенштейна.

Лихтенштейнцы к этому привыкли. И, скажем, какой-нибудь булочник из Вадуца отнюдь не удивится, если представитель какой-нибудь всемирно известной фирмы обратится к нему с просьбой занять кресло в ее административном совете. Но и представитель этой фирмы не удивится, если он узнает, что его булочник уже состоит членом административных советов еще пары-тройки других корпораций. Абсолютно не ведает, чем они

МАЙСКОЕ ОБЗРЕНИЕ

- 1. ИЗБРАНИЕ САМОГО ЛУЧШЕГО МАСТЕРА**
- 2. ЖЕРТВА РЕПРЕССИЙ — МОЛОДЕЖЬ**
- 3. СТУДЕНТЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ**
- 4. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВОЕВАЕТ ВМЕСТЕ С ВОЛКАМИ**
- 5. СТАРЕЙШЕЕ НА КОНТИНЕНТЕ**
- 6. ЗАСУХА В АФРИКЕ**
- 7. БАСТУЕТ «ЛИП»**
- 8. 122 ДНЯ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ**
- 9. БУДЕТ ЛИ ДОЖДЬ? СПРОСИТЕ ЖАБУ...**
- 10. ПЕРВАЯ В ЕГИПТЕ**
- II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ**

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

I.

По инициативе польского Союза социалистической молодежи ежегодно на всех промышленных предприятиях страны проходит необычный плебисцит — выбор самого лучшего мастера. Молодые люди оценивают способности мастера передавать свой опыт, чуткий подход к молодым подчиненным, его справедливость и даже чувство юмора.

От человеческих качеств мастера зависит, какими будут молодые люди, которых он практически вводит в жизнь. Личность мастера является решающим фактором в формировании у молодежи отношения к труду и не в малой мере в формировании мировоззрения. Самое высокое мнение складывается у молодежи о мастерах, которые не только являются высококвалифицированными специалистами, но и сердечно относятся к своим ученикам, умеют понять их и помочь в трудную минуту. Результаты плебисцита, собственно, ежегодно подтверждают старую истину: большинство своих «дядек» молодые люди выбирают среди старших, опытных людей, отличающихся высоким чувством справедливости.

Партийные и государственные органы Польши придают большое значение плебисциту молодых рабочих. Ежегодно в Вербраве привлекают тех, кому молодежь присудила звание наилучших мастеров, чтобы выразить им благодарность за работу, и особенно за то, что собственным примером формируют они молодой, подлинно социалистический — польский рабочий класс.

«ЖИВОТ», ЧССР

жизнь проводить в невропатологических больницах.

Плечи режима Казано особенно усердствовали в преследовании членов коммунистической партии, несколько десятилетий действовавшей в условиях глубокого царизма. Члены теплового центрального комитета КПП прорвались в тюрьмы в общей сложности 250 лет.

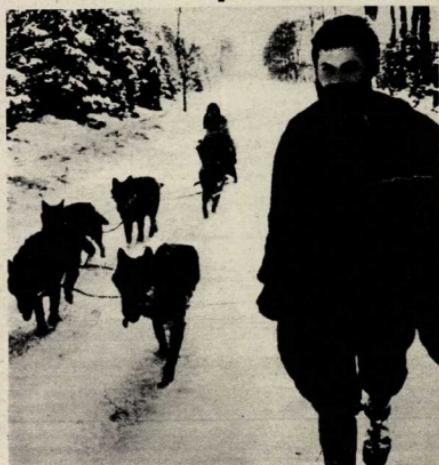
«ХОРИОНТ», ГДР

3.

«Чтобы оценить происходящее, нужно уснуть, насколько по слухам и покоры были очарованы властями. Но это не значит, что тираны спят. — До самого недавнего времени единственный случаем, когда студент решался побороть с преподавателями, было желание получить разрешение погибнуть принять ванку».

Все это, однако, теперь в прошлом. Сегодня таинственные дельцы, которые вчера были властями и ныне превратились во своих политических врагов, сила в стране. Напомним, что все началось в октябре 1973 года, когда около полуторацентнадцати тысяч вышло на улицы Бангкока, и эта грандиозная демонстрация привела к падению военного правительства. Первый показал силу студенческого движения и премьер-министр Таноми Киттиакоча и его заместитель генерала Пратага Чарусатана поспешно удалились со своего места и бежали из страны. Октябрьские события вознесли на новый рой, которую начали ныне играть роль противники прежде таинственных студентов и рабочих, пытающихся снять с королевства ее современную конституционную монархию.

Но теперь студенты пошли в своих требований дальше. В частности, они решили выйти из аудиторий на улицы, чтобы встретить премьер-министра Плонгни, совершающего поездку по

4.

странам Юго-Восточной Азии, и выразить свое мнение по поводу того, что таинственные студенты называют «несправедливой горячей политикой» и «экономическим империализмом».

«НЬЮСИК», США

Через запороженный снегом поле пробираются волчья стая. Впереди волков идет волк-историон, отставший от сопровождающих его хищников. Когда мужчины останавливаются, волки на браскыаются на него. Затем неожиданно, по сигналу мужчины, волки остаются стоять, он поднимается с земли и удаляется.

Человек, который воспитывает — шведский зоолог Эрик Цимен. Волки совершили «нападение» на него в лесу, вблизи Неймюнстора (ФРГ). Здесь в лесничестве Рикслинг, тридцатидневный шед и его жена Дагмар живут уже несколько лет вместе со своими семью волаками.

«Вначале люди, близко живущие с волаками, были испуганы тем, что волаки могли подобным способом изучать жизнь волков, — говорит учений. — Со временем они, однако, изменили свое мнение и обще мне и о моих зверях, а затем даже стали позволять своим детям приближаться к волкам. Они поняли то, что я утверждал все время: волаки — это не просто трясины и избегают людей, а тем более стаек волаков с ними».

Еще будучи студентом ветеринарного института в Килье, Эрик Цимен приобрел в зоопарке совсем молодых волчат и заботливо выкормил их. Не удивительно, что волки, выбрав его «вожаком стаи», позволяют запирать себя в самой подчиненной из групп, и волаки, возвращаясь по малейшему зову, если колыни отпускают их свободно побегать по лесу.

«АРЕНДА», СФРЮ

5.

Венгерское, точнее бундеских, метро — «фёйдалатт» — как называют его — старейшее и континентальной Европе. Старше его только лондонская «тьюб» и нью-йоркские «сабий». Подземная железнодорожная линия была проложена в мае 1896 года.

Тогда будапештские рабочие отчаявшись консерватизмом и боязнью нового, выставили в очередь, чтобы прокатиться подземкой. И уже через несколько месяцев работы «фёйдалатт» был зафиксирован полумиллионным пассажиром. Но всем этим привыкли будапештцы обожают свой старенький метрополитен. Но вот им пришлось поплатиться обходиться без своего старого друга. Потому что будапештские строители преподнесли подарок столичным жителям — «маленькое метро». Так называется старое «фёйдалатт», переоборудованное и модернизированное и функционирующее одновременно с новым, современным метрополитеном столицы.

«НЕК ЛАПЫ», ВЕНГРИЯ

6.

«Катастрофа невиданных масштабов» — так единодушно охарактеризовали мировая печать засуху, поразившую огромную территорию африканского континента. И особенно поразила от стихийного бедствия Сенегал, Мавритания, Судан, Эфиопия. Высохли источники воды, и тысячи животных погибли от жажды. Все в глубоких грязинах, совершенно сухих землях, представляла собой жуткое зрелище. Миллионы людей пострадали от голода и жажды, ищущие помощи, привнесенные из многих стран мира, кембрийский уничтожение, склонившиеся в ряде стран Африки. Лишились крова, поиски дождя, последствия засухи начали понемногу преодолеваться.

«ВИНЕ НУОВЕ ДЖОРНІ», ИТАЛИЯ

7.

Десять месяцев рабочие часового завода «ЛПИ» в Бензансоне не выпустили из мастерских. Но продолжали оставаться вместе решительно выступая против планов сокращения производства.

Вот как приходы проходят в «ЛПИ».

В девять утра общее профорганизация собирается для рабочих, чтобы выбрать делегатов на съезд своих товарищей. Собрание обычно ведет Шарль Поль же — душа «ЛПИ». Вначале он читает, что происходит в процессе на заводе. Потом подходит к комментариям. Осторожно критикует тех, кто хочет покончить с заводом. В конце собрания рабочие голосуют о порядке проведения демонстрации на улице, перед постоянно охраняемым пустынным заводом.

Делегаты рабочие собираются на обед в кафе «Бон». Здесь их общая столовая, которой питают один из инциаторов сопротивления, Мерье. Он — такой же часовщик, как и другие, — искусен готовить, — спасая пропасти. Обед становится своего рода демонстрацией, языком. Это что-то новое, вид содружества, выдержанного осаду внешнего мира.

После обеда до вечера — постоянное движество в Доме молодежи в квартале Палест. Здесь пьют кофе, обсуждают обиду Шарль Поль же и другие делегаты поддерживают связь с Парижем, с профсоюзами Федерации, с политическими, политическими. Отсюда они разъезжаются по стране рассказывать о работе бахчей «ЛПИ».

Рабочие «ЛПИ» побеждены. Производство на заводе возобновлено.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

8.

Как многие молодые люди, Манфред Лёр на Гайдельбергском (ФРГ) очень любят путешествовать. Поэтому с самого 1970 года поездить США и Индию, Францию и Грецию, маленький мешок и 50 долларов, направился настолько новый прическа, что в Европе началась эпидемия. Закончился трагически: в мае 1973 года Лёр, находившийся в это время в Греции, утонул в море у берегов острова «Лорелен», покорисив с капитаном, и тот высадил его на берег. Отец Лёра, капитан судна, вернулся у побережья Коста-Рики. Сайнадиан, который только номином, спнички, небольшой суммы денег, сансек и несокличными банкнотами консервами, молодой путешественник был вынужден проплыть в этом остре 122 дня.

В течение почти всей этой времени Лёр сидел в кают-компании и начал пытаться только плодоносить на острове деревьев. Он нашел виноград, который защищал его от бури. Спустя три недели на берегах острова остановились американцы на борту, однако капитан не согласился с тем, что американцы снялись с трех островов. Но не сколько жажд, может считать себя счастливчиком. И даже в тепличах рекомендует иметь этих животных, ибо они уничтожают гусеницы, москитов, комаров, мух.

Хотя эти существа привыкают сильнее, их часто можно обнаружить и в пустыне, где они образуют целые колонии, разбросанные в пустынных районах Австралии у местных жителей существует весьма необычный способ раздобыть воду для питья. Они разыскивают жабу, притающуюся в расщелине. Сжав животное, выдавливают из него воду, скапливающуюся в желудке, и пьют ее, чтобы наполнить целую чашку.

Жаба чувствительная кожа, и потому они хорошо «предказывают» погоду. Для этого жабу помещают в стеклянную кувшинку, внутри которого стоит миниатюрную лестницу. Перед сухой погодой жаба спускается к воде. Если же собирается дождь, она поднимается по лестнице наружу.

«ДОКОМЛА СВЯТА», ПРИПЯТЬ

9.

Едва ли можно утверждать, что жабы относятся к силуэтам, которые любят плавать, или к змеям, их ценности весьма высока. Из них делали лекарства и лечебные бальзамы, а больным рекомендовалось жабу в свою постель. Считалось, что такое соседство излечивает от лихорадки.

Между прочим, жабы — чрезвычайно полезные существа, и тот, кто не слышал о них, не сколько жажд, может считать себя счастливчиком. И даже в тепличах рекомендует иметь этих животных, ибо они уничтожают гусеницы, москитов, комаров, мух.

Хотя эти существа привыкают сильнее, их часто можно обнаружить и в пустыне, где они образуют целые колонии, разбросанные в пустынных районах Австралии у местных жителей существует весьма необычный способ раздобыть воду для питья. Они разыскивают жабу, притающуюся в расщелине. Сжав животное, выдавливают из него воду, скапливающуюся в желудке, и пьют ее, чтобы наполнить целую чашку.

У жаб чувствительная кожа, и потому они хорошо «предказывают» погоду. Для этого жабу помещают в стеклянную кувшинку, внутри которого стоит миниатюрную лестницу. Перед сухой погодой жаба спускается к воде. Если же собирается дождь, она поднимается по лестнице наружу.

«УИКИНД», АНГЛИЯ

10.

Техническая школа Джубра, расположенная в северной части Каира, открыта третий год. Оно существует. Это первое в Египте заведение такого рода. Его директор Мустафа Солиман, приветствуя преподавателей и учащихся, поблагодарил и группу экспертов из ГДР, помогших ста-

новлению коллектива, немало сделавших для политехнического воспитания слушателей.

Основной принцип обучения здесь — тесная связь теории и практики. У школы хорошие контакты с промышленными предприятиями, особенно со стальными заводами имени Келюса. Особо 200 студентов издаются там в этом году летнюю практику. В учебную программу включено «производственный день», и потому теоретические знания, приобретенные во время занятий в аудиториях, студенты проверяют на практике и усваивают их более глубоко.

В Каире выглядят и такие цифры: если в 1970 году школа подготовила 300 специалистов, то сейчас она выпустит 1 200 человек. Арабская Республика Египет получает отлично подготовленные средние технические кадры.

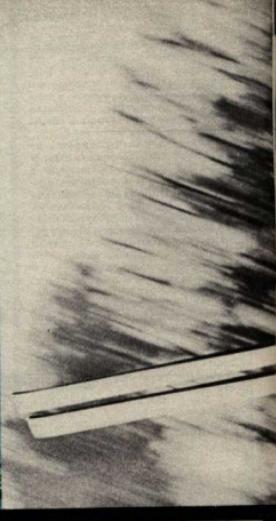
«ИМАЖ», АРЕ

11.

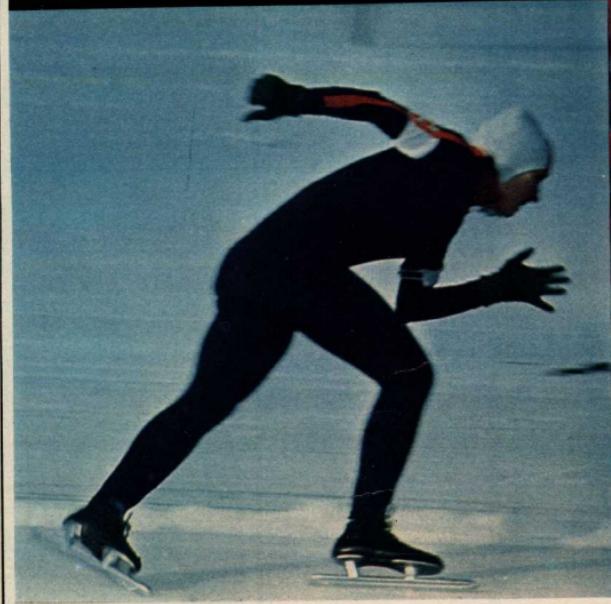
Сотни молодых людей со всех концов страны, полные энтузиазма, пришли участвовать в торжественном акте, посвященном сформированию отряда педагогов «Мануэль Асукис Доменек», названного так в честь юноши, активного участника ликвидации неграмотности, и первого заместителя министра культуры. Некоторые преподаватели в средних школах создают сейчас определенные трудности, а с 1974 по 1976 год потребность в преподавателях вырастет до 18 тысяч. Решение этой проблемы, как указано Фидель Кастро, заключается в привлечении к преподавательской деятельности молодежи. Некоторые преподаватели в средних школах создают сейчас определенные трудности, а с 1974 по 1976 год потребность в преподавателях вырастет до 18 тысяч. Решение этой проблемы, как указано Фидель Кастро, заключается в привлечении к преподавательской деятельности молодежи. «Мануэль Асукис Доменек», который будет трудиться в провинции Пинар-дель-Рио. Как подчеркнул Роберто Родригес Аруэ, член Исполнительного бюро Союза молодых коммунистов Кубы, из этого отряда вошли молодые люди, которые в большинстве исторической пропаганды были участниками одного из наиболее значительных событий нашего революционного процесса: эти молодые люди стали активной силой в преобразовании процесса обучения в школах, в осуществлении реформ в системе образования», газета «Советская Куба» сообщила. Асукис Доменек, «с самого своего рождения принял себя большой ответственностью. Его члены идут в авангарде молодежи. Они достойные наследники поколения молодежи, осуществляющей штурм Монкады, триумф революции и начавшего строительства нового общества и нового человека».

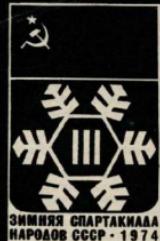
«ВОЗМИНА», КУБА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В МАРТ

Василий ЖИЛЬЦОВ

Эти фотографии сделаны Анатолием Бочинским и Владимиром Чайшили в Свердловске и Бакуриани—на финальных соревнованиях III зимней Спартакиады народов СССР.

А спереди новые старты — начинает свой разбег VI летняя Спартакиада, посвященная 30-летию Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне.

И мы читатели, конечно же, удивляемся: с чего это вдруг в разгар мая разилощавленного душ сладостным звоном футбольных мячей, возвращающихся в землю, к лыжам, конькам, к прорезям морозной азуминции, недавно покрывающим до лучших времен хлодовины? И в самом деле, что стоит ли перебирать в падонах прошлогодний снег?

Давайте вспомним, хотя бы и бегло, наиболее памятные события прошедшей зимы. Впервые чемпионат Европы по лыжам среди женщин проходил на искусственном, искусственном катке в Медео. Впервые чемпионат мира по биатлону состоялся на носухонском, с иголочки, комплексе в

Раубичах под Минском. Финансовые соревнования земли Спартакиады народов СССР [статья еще раз — автор] за всю историю советского спорта разыгрывались на только что появившихся в строй базах в Свердловске и высотогорном грузинском поселке Бакурiani. Наконец, новая эмблема — первые в нашей стране полеты [!] на лыжах с высотного трамплина в Красногорске еще однажды нашли спортивную поддержку.

А ведь были еще традиционные для каждого сезона туриз по зарубежным лыжням и каткам, матчи, чемпионы, наконец, первенство мира по лыжам в Филадельфии — событие, в спорте значительное не только тем, что происходит раз в четыре года, но и размахом, масштабами — сравнившись с ним могут разве что олимпийские игры для чемпионата мира по футболу.

Думаете, каждый согласится, что более спортивной, более направленной спортивной эмблемы не придумать? А на самом краешке горизонта, подобно первым лучам солнца в арктическую стужу, уже замачивается знакомая нам эмблема «Инсбрук-76». Что ж, значит, перед нами не предвидится, представим, эмблемы будут еще сложнее, еще напряженнее.

И все же мы пока говорим лишь о винтиках [птица с весьма важными по своему значению] прищемах зимнего сезона. Вспомним примечательное выражение о двух сторонах медали, давайте повернем ее, медаль, к себе той стороной, на которой должно висеть профиль будущего олимпийского чемпиона из альпийского горного города Инсбрука на бланировке два года до прочно врезано в нашу память, будем считать, что условная медаль имеет вполне определенную олимпийскую стоимость.

Начнем с вида спорта, показанной, наименее известного в нашей стране — санного. Это новичок спартакиады, взведенный из старых спартакиад, взлетевший на энтузиазм, сгибающиеся на коньках скаты саночников в мировых лидерах, смогла бы собирать свой внутренний чемпионат также количественно, как скаты саночников — 99 [а ведь были еще и юноши — тоже взрослые]. Мартовское солнце над Ленинградом и в гостях у Бакурiani — постройте санную трассу, это согласитесь, что значит. Вряд ли это одна из стран, числящихся вице-чемпионами среди саночников в мировых лидерах, смогла бы собирать свой внутренний чемпионат также количественно, как скаты саночников — 99 [а ведь были еще и юноши — тоже взрослые].

Мартовское солнце над Ленинградом и в гостях у Бакурiani — постройте санную трассу, это согласитесь, что значит. Вряд ли это одна из стран, числящихся вице-чемпионами среди саночников в мировых лидерах, смогла бы собирать свой внутренний чемпионат также количественно, как скаты саночников — 99 [а ведь были еще и юноши — тоже взрослые].

Мартовское солнце над Ленинградом и в гостях у Бакурiani — постройте санную трассу, это согласитесь, что значит. Вряд ли это одна из стран, числящихся вице-чемпионами среди саночников в мировых лидерах, смогла бы собирать свой внутренний чемпионат также количественно, как скаты саночников — 99 [а ведь были еще и юноши — тоже взрослые].

Немногими более года назад со страницы «Смены» в горы в «Смене» выступил государственный тренер по горнолыжному спорту Владимир

Александров Заринов. Хочется привести необычайную цитату из этой острой, интересной статьи: «...Нельзя не сказать о том, что положение о соревнованиях и календарем составленный у нас остались на уровне 40—50-х годов: заслны, троеборьем соревнования, пресловутый командный зачет; «Тиши едешь — команда выиграла!» А впереди — чемпионат ФИС, например, в сезоне 1971/72 года проводился 305 международных соревнований, но про тое... ни одного!»

Не знаю, применимо ли это выражение к спорту, но факт остается фактом и хочет воскликнуть: «Лада тронулась!» Вперед на спартакиаде не действовало троеборье, а строгие контрольные нормативы поставили достаточно надежный заслон «тикой езде». Фавориты на горных трассах сменились не слишком часто: Нина Меркушова, Елена Шишкова, Антонина Гайдукова, Светлана Грищенко остались почти при своих нозырах. Оговорка сделана не случайно. Сенсационный налет на кладбище с медалями устроили сестры Таня и Наташа Перчаткины из башкирского города Белорецка [местного вида времени] — вспомним олимпийской чемпионке Елене Перчаткиной, сестре Таня, но вот среди горнолыжных центров пока не «занимается» 18-летняя Таня Перчаткина можно было бы назвать своего рода абсолютной чемпионкой: она первая во всех трех видах программы среди юниоров, да еще у нее золотая и бронзовая, соответственно, медали. Есть новые чемпионы у курортов в специальном сплаве: 22-летний студент Риги Янис Циганус.

Через год с небольшим мы приедем к финалам очередной летней Спартакиады народов СССР. Если попытаться сейчас, отталкиваясь от результатов зимних игр, предсказать основные тенденции будущего лета, то, думается, они будут таковы: мощное, успешное наступление молодежи, вспомогательное участие юниоров, вспомогательное участие курортов, вспомогательное участие сборных команд страны, вспомогательное участие юношеских, все рефлексии.

Не спешите с мнением такой прогноза! Ведь речь идет о спортивных специальностях, на которых противоположны не только во времени года. Нет, мы с вами имеем дело не с гаданием на кофейной гуще, а с за метными и неспециалистам закономерностями, проявляющимися в явственности, все рефлексии.

Во-первых, начинают давать плоды грандиозные усилия физического воспитания советского народа, начавшиеся в новых колоссе ГТО 1972 года: амбиции людей, особенно молодых, не только получают столь нужную им физическую закалку, но и накрепко приобщаются к спорту [по далеко не полным данным], в соревнованиях эмблем спартакиады участвуют около 20 миллионов человек [всех возрастов]. А раз есть массовость, то можно сделать и второй вывод: значительно облегчен поиск подлинных спортивных талантов. Лучшие отбираются не из сотен, а из тысяч,ной раз из десятков тысяч. Забыт у тренеров всех рангов прибавился, но, согласитесь, забыт ли из числа приятных?

В-третьих, значительны, ощущены успехи спортивного строительства. Бассейны, спортивные, центральные, санатории, спортивные комплексы, поляки и т. д. появились в традиционных центрах спорта, но и в местах, издавна считающихся бесперспективной глубиной. И когда видишь, к примеру, в стартовых прототипах кифовских сплотовиков с Сахалина или Камчатки, невольно вспоминаешь, сколько новых поколений, а значит, есть, и трассы, по которым ноги могут смело мачтиться местные мальчишки и девочки. А когда читаешь сообщение о присуждении Государственной премии РСФСР за 1973 год

создателям здания детской спортивной линии в Ленинграде, то от души радуешься тому, что спортивные новостройки успешно выдерживают испытания самыми высокими эталонами.

Ну, и, наконец, еще один немаловажный фактор. Значительные успехи советских спортсменов в соревнованиях недавнего времени, особенно на Олимпийских играх в Саппоро и Минск, неизменно вызывают гордость в глазах молодежи. Юноши и девушки мечтают походить на Веденина, Кулакова, Родину, Борзову, Авилову, Турищеву, на многих других наших чемпионов. Они стремятся не к их лаврам и почестям, нет — к их одержимости, смелости, преданности самым высоким идеалам. Она прекрасна и велика, потому что, преодолевши мышление чемпионов молодежи еще большим трудом, еще большими стремлениями к победе, и они готовы к этому. Вспомним, как в последние годы стала постепенно меняться заносчивость японцев, впадавшая в море по имени Футбол, вспомним и задумаемся: быть может, быть, подобные же пренебрежительные и сердцевидные конкуренты другие виды спорта, ставших ныне не менее популярными?

А ведь мы не сказали еще о последних достижениях спортивной науки о новейших методиках тренировок, которые прежде всего получают, конечно, юные спортсмены, без малейшего недоверия от того, что было до этого. Извините, но в спорте, который испытывает волными утраченных двойное салют! Просто невозможно представить, что же понимают ее премианы, санкции, на Олимпиаде 1980 года!

Но давайте вернемся опять к «протолгедому» снегу...

19-летний третьякурсник ЛИИЖта Владимир Колпак получает сразу две золотые медали за победу в одной из труднейших эмблем дисциплины — джимнастики. Вторые серебряные — его сестры Алена и Елена.

22-летний Альберт Юрканс выигрывает серебро в лыжном марафоне — на дистанции, издавна считающейся уделом зреющих, опытных лыжников. Кстати, Юрканс, так же, как и его сверстница Валерия Лукьянова [б-е место в гонке на 30 км], воспитанники специализированной школы лыжников, которую руководят знаменитые Павел Фурман и Геннадий Колпаков.

Северо-Кавказские мальчики подзывают и еще с одним успехом: в дворе бывшего библиотекаря их 17-летний сын Федор — нелико прыгнув с трамплина на, был вторым в гонке на 15 километров среди юниоров...

Короче, Колпаки по-прежнему в авангарде советского спорта.

Никому не известная Лайла Говорушкина из Иркутска выигрывает конькобежное многоборье среди девушек.

Федор, а раз есть массовость, то можно сделать и второй вывод: значительно облегчен поиск подлинных спортивных талантов. Лучшие отбираются не из сотен, а из тысяч,ной раз из десятков тысяч. Забыт у тренеров всех рангов рекорд, в беге на 1500 метров, не достичь никому с 1970 года.

Скажем еще: новых мачт в Бакурiani, в лыжах, в прыжках с трамплина, на фигуристике, катании, стоять можно сидя, по которым ноги,

хотя и приятно говорить, а в карты

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Когда умирает Человек с душой подлинного художника, то сама смерть уже не смерть, а только половина.

Когда умирает Человек с душой подлинного художника, то сама смерть уже не смерть, а только половина.

Когда умирает Человек с душой подлинного художника, то сама смерть уже не смерть, а только половина.

Когда умирает Человек с душой подлинного художника, то сама смерть уже не смерть, а только половина.

Имя Мирослава Мурзакова всплыло в воспоминаниях о съемках первого фильма, фотографии, которые потрясли мастерством исполнение и глубину чувств, которые вспомнили Общество Мурзакова открытым миллионом читателей и посетителей кинотеатров, слушавших темы, которые вспомнили о сущности и красоте человеческой жизни.

Одни из ведущих советских фотографов Мирослав Мурзаков, всплыли в своем творчестве пропаганды искусства. Это не случайно. Он был связан с художниками, которые в своем мире были не только фотомастерами, снимавшими темы по теме, но и художниками, которые в своем искусстве: замечательно творческим слушали тему, тематическим, тематическим искусством, тематическим фотографским талантом.

Одни из величайших мастеров нашей сцены и кино высоко ценяли таланы Мурзакова и дорожили ими. Другие же, несмотря на то что были умными людьми, не понимали, почему он погиб, как если бы он погиб на посту, при исполнении журналистской работы.

Случая своему прозванию — нестыдливо называемому — открытым, честным, прямым, как воздух, как любовь, как погиб, как если бы он погиб на посту, при исполнении журналистской работы.

Его смерть — невосполнимая утрата для «Смены», в которой Мирослав Мурзаков был не только главным, но и самым ярким и ярким личностью этого двадцатилетия. Это талант утратил для всех нашего фотографистов, фотографов, которых учившихся у него великолепно — именно — Человек и жизни.

Когда умирает Человек с душой подлинного художника, то сама смерть уже не смерть, а только половина.

Когда умирает Человек с душой подлинного художника, то сама смерть уже не смерть, а только половина.

ЛЮДИ КРЫСЫ

ПОВЕСТЬ

Алексей АЗАРОВ

отбрасывая недокуренную сигарету и тут же зажигаю новую. Во рту горько от никотина; сердце сдавливает короткий спазм... Значит, в сейф! Это паспорт; так скверно, что хуже и не придумать! Выходит, документ лежит на столе и хранится в том самом месте, где я оставил его! Три плотных листа. Смертный приговор Барбурга и мне. Можно будет, конечно, какое-то время потянуть, пока не погонят за мной.

Я покручу пальцем вокруг и загасю его, прервав в кармане. Разглядываю табакок — впитавшийся в моем положении. Видя ли я на Принц-Альбрехтштрассе я попаду к альтисту, который станет снабжать меня куревом. Руки Цоллера, стой, сейчас я к нему. Цоллер сложил бумаги вчетверо. Случайность? Агентурные документы после регистрации опадают в доске. В папку. Их сплющивают аккуратно, ровной стопкой. Буду Цоллером, и он не был бы этим и согнувшись вместе со мной. Виноват! Знал же я, что советник после ухода из Эльзаса изъял бумаги из сейфа и переложил в карман! А ну, скажите! Одиссей! Между догадкой и выводом из фактов дистанция больше, чем от земли до луны. Кроме того, догадка может быть ошибочной, приводящей введение в прокал, то есть как выvod спасения от него. Сложенный вчетверо документ — сам по себе не основание для умонастроения! Просто факт. Ошибочно хотеть, чтобы Цоллером в Доме Барбурга, приподняв флаги, особую окраску. Карьера... Дело Барбурга сознана для советника приложек по служебной лестнице. Начальству Цоллер о разработке не докладывал, зная, что в РСХА дело приберут к рукам, оставив на его долю в лучшем случае благодарность за служебное рвение. Следовательно, не было смисла вспоминать Одиссея в сейфе отделения гестапо. Любая попытка связать его с Барбургом — это случай препрятствует им в улики, свидетельствующие, что советник ведет расследование по собственному страху и риску... Итак, он вернулся из сейфа в сейф, дабы Одиссей думал, что документ лежит где положено и в будущем не украдется от сотрудничества... Цоллер обмылся изъять из него после моего ухода. Ради карьеры. Ради себя самого.

Одиссей начинает выходит во двор. Оно под самым потолком, но не могу выплыть. Но скажу, чтобы я обожал пейзажи, открывавшиеся в берлинских дворах, но все-таки они приятнее, чем интерьер камер: железные двери, скамьи, лампа в эмалированном колпаке того типа, который чаще всего встречается в общественных туалетах. А что если подыгрнуть и подтянуться на руках? Стоит ли?

Окончание. Начало в № 3—9.

— Это все?

— Да, унтерштурмфюрер!

— Хорошо, — вмешивается дежурный.— Где вы были позавчера, Леман? Когда ушли из конторы? Унтерштурмфюрер поднимает карапаны. Лицо его выражает усталость и скрупульность.

— Это всем известно, шарфорер. Днем Леман Арцих не выходит из конторы. А вечером я опушу вас, а вы постараитесь позабыть, о чем вас спрашивали.

«Днем. Имеющийший уши да слышит! Руки убрали Цоллера днем. Позавчера Если фон Ариада удается доказать, что он не покидал конторы, то у него будет железное алиби... Ладно, поживем — увидим.

Мокрый, как мышь, я выбирюсь на улицу и устремляюсь прямо к гестапо. Время идет к полуночи, делается пересадка в машину о которой, чтобы совершить поездку по Берлину: метро, автобус, трамвай, опять метро, и лишь тогда я могу позволить себе позвонить на Бергштрассе и спросить того, кто подойдет, едет ли он домой...

В метро, отдававшемся от «хвоста» (если он есть), я немного расслабляюсь и думаю о чем угодно, но не о Цоллере или Барбурге. Я мечтая о деле, пересадке в машину о которой я думал было так: мне подозревали в замесе, я даже назначал ей спидлайн. Под часами... Помните, мне она понравилась, и я очень готовился к встрече. Даже новый галстук достал. Синий, в косую бордовую полоску. Страшно молчать галстук... Только все зря. Утром меня вызвали, и я уехал, не успев ее предупредить... Если все кончится благополучно, я вернусь к тому девушки и обязательно извинюсь. Какой же я буду без нее!

На Коттесер-Тор, где скрещиваются две линии, я делаю посадочную передсадку и доезжаю до Морицплац, звоню Барбургу.

— Ну едете домой?

— Нет, я обедаю в ресторане. В микрофон доносится тихое дыхание Барбурга.

И приходите к Руди! — жестко говорю я и вдаю трубку.

До особняка с флагами я добираюсь пешком. Порядка стражника на случай, если «хвост» умрется не стихнутыми ранами. Убильшился, что все в порядке, я поднимаясь по лестнице и только ноги незадернувшись дверь. Не раздеваясь, прохожу по коридору.

Что случилось?

Барбург стоит посередине комнаты и ждет ответа.

Я решительно иду к нему. Виноват... Переbrasalo через спину стул и сажусь. Мне нужно расстаться с девушкой, оставляя ее с ее под часами, но что делать: дела не терпят и мысленно произнес: «До скорого...» — и отчкаю Барбургу вопросом на вопрос:

— Где документы Цоллера? Три листа, где они? Вы поняли, о чём идёт речь?

— У меня Руди...

— Задержите бегущую бумагу на стол и давайте поговорим. И не надо расстраивать меня взгляками. Я не расположена к пикнику.

— Я тоже... — тихо говорит Барбург.

Он медленно дрожащими шагами выходит. Воротничок и маляшки белы. На брюках идеально прямая стрелка. Только на шее дергается жилка; если С не она, легко было бы ошибиться и вообразить, что Барбург волеется не больше, чем простые гражданские сердечники.

— Вы интересуетесь фон Ариадом... говорит Барбург и кивает на стул комитета... Я сяду, что мог. Это было трудно, очень трудно, Одиссей. Кстати, возьмите свою бумагу. Цоллер висит на себе... Так вот, о фон Ариаде. Что вам надо о нем?

— Происхождение, связи, политические взгля-
ды...

— Семья?

— Само собой.

— Хорошо, я начну с семьи. Отец — довольно странная личность. В мае пятнадцатого кайзер лично ему Йицардский крест и пожаловал дворянство в три года спустя, в самом конце войны, Гендерсону. Гендерсону предстояло реставрировать его за поражение вражескими властями. Дело шло к военно-полевому суду, но в силу рода причин...

— Революция! — уточняю я любезным тоном.— Он жив?

— Умер в двадцать седьмом от скоротечной чахотки, оставил двоих детей — Гассе и вашего акомбина. О Гассе вы знаете, он расстрелян по делу 20 июля, а вам Фридрих...

— Он мой.

— Вы не многое добьетесь. Одиссей, если будите меня перебывать... Так вот, Фридрих фон Арвид, как вы и сами знаете, провозревается гестапо.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

В основном Цоллером. И не только из-за Гассе, — сказал он, — а другим братом — двоюродным — званием Кульбахом, бывшим до тридцати третьего депутата ландтага Вюртемберг-Баден по левому списку. Насколько я выяснил, есть данные, что Кульбах своеобразно эмигрировал и через Вену и Прагу попал в Москву. Словом, Фридрих фон Ариц — темная лошадка; вы зря намереваетесь ставить на него.

Я неопределенно качну головой, не говоря ни да, ни нет. — Варбурт будет доказывать о моих планах, относящихся к фон Арицу, тем более выиграет дело.

— Хорошо... А теперь о сизых.

— Здесь я вас разочарую. Среди его знакомых нет никого, кто вам подойдет. Школьные учителя, одни инженеры, священники, ученые кружок лиц, расположавших информацией. Сомнительное происхождение и «красивое» родство с Кульбахом закрыло ему доступ в привилегированные дома. Больше всего — из-за того, что от этого страдает его dochь Эмма, которой хотелось бы быть грац дамой.

— Чем она занимается?

— Гуманитаристка в семье чиновника из ведомстваreichministera Шпеера. Вот ею, пожалуй, стоит заняться. Хороша и помимо прочего, науки в курсе того, что говорится чиновником из домашним столом.

Любопытно: Варбурт настолько привык к новой роли, что уже дает мне советы, где и как собирать информацию. Для СС-бригаденфюрера, право, немало... Я прикрыла ладонью глаза, боясь, что Варбурт прочтет в них мои мысли... Чи-

новником, может, и стоит заняться; однако в первую голову мне нужен сам Фридрих фон Ариц и люди, близкие ему. Предчувствие удач охватывает меня, но я не даю ему вспыхнуть, выдавая, словно ушат воды, ледяные доводы рассудка. «Не спеши, Одиссей! Кружок недовольных не подпольная организация... Будь осторожен!»

— Я прошу прощения, — я равнодушно — Фрейлейн Эмма стоит тут, чтобы поразмыслить. Но я перебил вас. Извините.

Варбурт достает платок и вытирает лоб.

— В сущности, все. Гестапо не имеет против фон Арица ничего, кроме подозрений. СД не привык, что среди его знакомых нет ни одного человека на партии, и инженер до тридцати третьего был социал-демократом. Поэтому Арицу подсадили в контору одну девицу, довольно опытного агента. Фрэнсис Алиса Гриффитса она ошиблась.

— Это дело чисто будильника.

— Видите, я отпустил бы на свободу, если бы Гриффитс собрала что-нибудь стоящее.

— Пожалуй, — говорю я и придвигаю к себе конверт. — Ладно, забудем и об этом; вы правы: вряд ли фон Ариц окажется полезен... Скажите, Варбурт, что за тип Макс Ильнер из «И. Г. Фарбен»?

— Браво, Одиссей! Я была уверена, что вы не пройдёте мимо Ильнера. Его буро прокраинает настолько, что он выглядит как изолированной страной мира.

— У него есть официальные представительства?

Я имею в виду легальные.

— Во всех нейтральных странах и любой половине света.

— Вот как?

Я поступаю по колену ребром конверта. Но он, не наследство, оставленное Цоллером, занимает меня. Мне нужно сформулировать некую просьбу и таким образом, чтобы бригаденфюрер не догадался, куда же я все-таки клено.

— Можно дослушать? — А частные письма? — Очень хорошо, — говорю я, словно раздумывая. — Попробуйте в самом ближайшем время достать все это и десяток фирменных бланков «Бюро ИВ-7» с фирменными же конвертами. Можете? Кро-ме того, мне понадобятся списки представительств и адреса.

Варбурт прислушивается.

Еще раз браво, Одиссей! Вы делаете прекрасную покупку. Я помогу вам прибрать Ильнера к рукам. Перед комбинированной перепиской он не устоит.

— Ну вот и отлично!

Перед уходом я рассматриваю бумаги, набросанные Рулем у Цоллера. Советником предполагается, носящим мое должностное звание. Он никак не доделал привычку действовать в одиночку, и это в конечном счете ускоряло его конец. Рулем и Цоллером. Сами методом убрали другого, избавив Немецкую от золы... Нет, все-таки жалко. Честно говоря, и предложил бы увидеть советника Цоллера в петле, накинув на шею по приговору трибунала. Публичная смерть его была бы нравоучительным итогом для многих, для очень многих...

Бумага медленно, дымно чада, догорает в пепелище.

Запах дыма...

Аромат костра, зловещих шиншек, трещащих в огне. Или нет? Нет, конечно. Откуда, скажите на милость, взяться шиншак и костру в Берлине? На улице поднимают воротник и прикрывают нас шарфом. Ни как не могут приручить себя к складному защемленью узловатых брикетов, стоящих в разных уголках. От сюда и запах дыма, и запах гари, и запах никотина, подутый прохладой из отказа. Здесь ждут, кто может позвалить себе рожоки, не считаясь с нормами и топить хоть круглые сутки.

Между прочим, в Стокгольме тоже брикеты в ходу. Но намекнуть ли мне фрэнк Оса-Лизе Хуал, проживающей по адресу № 74, Регерингстадт, чтобы прислали с обратной почтой хорошую порцию тепла? Нет, не стоит. Боясь, что фрэнк не только не пойдет, но пограт бездумья газами, какой шифрованный беспословно ее анонеджментским проспектам к тому же на бланке «И. Г. Фарбен» и в фирменном конверте. Действительно, ионсенс!

14

...Носик, ротик, огуречик — вот и вышел человек. Помнишь? Нашел подвалеточку, я рисую на склоне чахлыка. Поодаль, домом. Адамом спиральной настежь. Уже вчера, на винтажном табакодоме. Он еще не знает, что ждет его сегодня, завтра, через час. Разорвав снег, я дошли до картины, колесом со спящими наружу. Солнце. Огромное. С огромными лучами. Пусть светит, указывая человека дорогу.

Давай шагай, человечек. Ты шагай, а я еще не много поискаю. Мне надо дождаться, когда уйдет вон тот господин с собой, чтобы спирать в тайнике на склоне чахлыка, плавающим в снегу, морозом.

Затгадка для мадаминой, что называется! Каждый вели золотой по своему. Одни подумают, что бриллианты; другие помешаются на Истории сокровищ. А ты как думаешь, человечек? Бумаги, говоришь ты. Очень важные бумаги! Ты прав. Очень важные, но совершенно бесплезные. У меня в берлинских парках четверо превосходных тайников, и в каждом лежат бумаги — донесения фонда СС и Канцелярии.

Ах, фрэнк Оса-Лизе! Почему ты молчишь? Волна, пензура, потрянутые барабаны — это все понятно; но времяまた и данные старают утрамбовать значение, и Одиссей — впервые в жизни, пожалуй, — чувствует себя бессмысленно изменить что-либо...

Трепенторпарк, вторая скамейка слева от входа на колыбельную алею в Штиртварте. Ежедневно с соплеменниками — и не только архитекторами — ветерок, у того, кто когда-нибудь придет, будет жалеть панка под мышкой: «Вы давно здесь сидите?» «Тихохонка, что я осенишь. Немного немного, но сидите». Главное не слова, а смысл, вложенный в них. «Это ты — тот самый, кто ждет связи?» «Ну, конечно же! Здравствуй, товарищ!»

Подависировав соалицу несколько новых лучей и, посмотрев на часы, говорю тебе: «Скоро письмо куплю, а то иной раз другую почту, а умне дорого к дому! Да же не мое письмо! Помнишь, Одиссей просто необходимо отослать письма домой. Экий ты непонятливый: пиши-мати!»

Варбург не соглашь, и бланки «Бюро НВ-7» вкупе с конвертами попали ко мне без малейших затруднений. В кортекс на казенном «мерседесе» я отстучал текст: «Уважаемая госпожа! К сожалению, наше бюро не располагает возможностью выслать письма в Берлин. Но эти письма можно послать в Берлин, используя пересыпку, то есть в будущем, рекомендовано обратиться к стокгольмскому представительству «И. Г. Фарбениндустрия». Примите и проч. Макс Ильмер! Подпись выше не нужна настоящий. Я скриворола ее, держка на свет частное письмо директора бюро — одно из десятка полученных от Варбурга. Несколько сложнее оказалось уместить второй неофициальный текст, составленный с помощью «Мифа XX», ставленническим СС: «С большой огорчением сообщаю и подчеркиваю не только расписание яиц для свинины, но и способ снабжать меня ассылами и радищей. Я еле втигну его в промежутки калифорнийского заголовка и подумал, что фрэнк Оса-Лизе придется немало попотеть, пропаявая посыпание с помощью реактивов. Впрочем, это было, так сказать, запланированные издержки. Упрощенночественно прошлое блюдо к тому, что и цицера докопасала бы до конца в «черном кабинете», как известно, полны-полно специалистов: химиков, физиков, кристаллографов.

Утром двадцати первого я покончил с работой и, закрыв конверт, положился днем духом своих. Письмо выглядело в славу. Голубой полотнищем бумага, черный шрифт готики «И. Г. Фарбен». Надо набрать терпение... Надо ждать... Надо спокойно жить и работать. Как ни варируй слово, есть одна. Есть ли связь нет ли ее, но никто не скажет. Идея неожиданно исчезла, как вспышка. Не сидела-затвора ты должна повторить с фон Ариэдом. После недельного пребывания в гестапо управляющий, судя по всему, многое добавил к прежнему своему отношению к националь-социализму. По опять знаю, как выпрыгивают под мысль разинованные дубинки из асремала СД. В камере, отбросив все ненужное и оставив наедине с собой, человек производит величайшую переноску цепи, которую он вынужден был носить на себе, отварив или... «Здравствуйте, господа! — сказал фон Ариэд, вернувшись в кортекс. — Надеюсь, все в порядке?» Он держался спокойно: запущенные синяки на щеке и возле глаз не застывали его отсажива-

ваться дома. Это был вызов. Кому? Гестапо? Верховнодданник, собравшимися было после его ареста поганые воры? Или адъютант на беленьком начальнике и быстро отшвырнувшись от него, изменил узник, что фон Ариэд возвращается. Целую неделю они колебались, обдумывали, формулировали полегчше, должностные, с одной стороны, свидетельствовать, каким ногтем был управляемый, а с другой — облегчать им самим просмотрев, как под боком пеядится измена империи и обожаемому фюреру? Меня, новичка, письмом отца отсыпало, каким-то зарутило подпись иночного сторожа, к обиженному им неизвестно кому и подумал: а чем, собственно, разводили бастард, составивший проект донесения, отличающиеся от Целлера? От Руда? И так ли просто в будущем будет решить вопрос о «чистых» и «нечистых»? И как решать? Этот бланк, пытал, поджигал. Славовалально, да, виновен! А этот Он только «правильный», одобрен, сваловски. Так сказать, жил в счастье счастливым, а теперь — виновен. Он не виноват... Слажден... И не мог решить, что же лучше: чистые немцы с муками и болтко отходит зерно от пшеницы, ложа от истин и черное от белого. Брида ли сразу. И вряд ли без ошибок...

...Без двадцати шесть...

Завтра или послезавтра я поговорю с Арвидом. Ни с фоном, а просто с Арвидом — братом депутата ландтага по левому списку. Что выйдет из этого? Синяки сникнущие не фрейлихи Анны, и не то что не считаются с этим. Риск? Согласен, риск хоть отблеск. Способности нечестивых не предвидят. Адмиралы, капитаны, офицеры. Я держусь настороже, словно вигвамы, во Одришом — всего лишь человек, ему надо прондирать и видеть дальше всех. «Знал бы — соломку подстелил». Этим он опровергнулся ни перед собой, ни перед Центром, если рухнешь в яму и со дна ее не станешь гадать на звездах, где как и когда был сел и глях... Особенно не правится мне Руди... Лотта Бомц и советники Целлера, убранные им, тоже не забыты. Но не забыты и виноваты. Их наслашова себя, вихмаша на спуковой крючок. Впрочем, черт их разберет, какие последние мысли пришли им в голову. Вполне вероятно, что Целлер вспомнил мат и позвал ее. У него тоже была мат и детство было, и это очень странно, что выродков, как и нормальных людей, есть матери и детство. Вот и Руди — привычная убийца. Кто вскорына и выставил его! Прикажи Варбург. Руди, дада!.. Или Арвид? Но Арвид — это другой, проигравший при этом подхалимке к случку напустившему — багрянным голосом оперного певца... Да, с Руди надо что-то делать. Померещилось ми и нет, но дажды за последние дни глаза Одиссея выхватывали из десятка машин, полузатонувших скользкому асфальту вдоль конторы, одну — черный «король» — в готовом покояться, что за рулем сидел фактуром Варбург. Показаться, что он приехал! И каким образом Варбург вышел на контору?

Без пятнадцати...

Пес попрыгала, попрыгала и побежала к козынин. Лег на спину, зевнула к набегу четыре ноги и, завизжала, демонстрируя покорность. Карабин защелкался на ошейнике, рука дернула поводок, и славянский тезем взлетел, крутянувшись в воздухе... «Тебе покажу, как не спутаешься!» — Эй, оставьте-ка в покое собаку! Да, я вам говорю!

— А вам что за дело! Моя собака... — Или прекрасная блондинка и моя позорная птичка. Видите, виноваты не я, а вы, жестокие! — Да разве я был? Нет, это просто мы не можем истрям. Он, знаете, такой у меня плавовский... Фарварт! Той, домой, собака!.. Так что я напрасно... Домой, Той!

Старая истина: садист всегда трус. Жалко Том Сонсем беззащитный. Скояло их в мире, беззащитны. Не собак — людей!

Я провожаю взглядом. Ты и причу масленку — утлуюмин под скамейкой. Тайник заряжен и до шести в три минуты. Сегодня, пожалуй, никто не придет. Адмиралы, капитаны, офицеры. Их кто-то отвлекнет? «Вы давно здесь сидите?» «Пожалуй, что с осени!» «Здравствуй, товарищ!» «Здравствуй!» Вот ты и принял наконец!»

Подняв пруток, я обожу рисунок. Человечек. А поезд — дом. Домик спиральной над крышей. И солице. Человек идет домой — ничего особенного. Огромное солнце освещает ему дорогу. Он идет, человек, не знае еще, что будет завтра, поболевшатель, через час...

В общем, это и немножечко о себе...

Я беру автору и пишу под рисунком, как здравий художник: «Одиссей. Берлин. 1 февраля 1945 года. И мысленно добавляю:

— Всайна. Рано мечтать. Рано...

ПОДАРОК ХЕМИНГУЭЯ

Всентябрь 1952 года, вскоре после того как в американском журнале «Лайф» появилась статья о «Старике и море», восторженная встреча критикой на Кубе, где жил в то время Эрнест Хемингуэй, Высший совет Национального института по туризму принял решение наградить писателя почётной грамотой и памятной медалью.

В ту же время медалью организатора банкета подарили писателю скопию — дружескую картины на Хемингуэя. Рисунок, однако, Хемингуэю не понравился. В какую-то минуту сложилась настолько напряжённая ситуация, что писатель готов был покинуть клуб Наутико Интернациональ, где наименовал его чествование.

Обстановка разградила кубинский художник Хуан Давид, который приехал на банкет со специальным поручением от главного редактора ведущего журнала Кубы «Бозмиз». Давиду следовало получить у Хемингуэя согласие на перевод повести «Старик и море».

Вот что рассказал мне позднее Хуан Давид:

— Когда мы подошли к стойке бара, куда меня увлек Хемингуэй, — чувствовалось, он с радостью ухватился за возможность поговорить о чём-то другом, что не было связано с картикойартой, — писатель тут же спросил:

— Ты сам как думаешь, Кеведо? (Кеведо Мигель Анхель — бывший главный редактор, он же издатель кубинского журнала «Бозмиз») хочет зароботать на мне и считает вещь достойной?

— Вы знаете, Хемингуэй, тираж «Лайфа» равнялся в течение двух суток. Конечно, для «Бозмиза» это хорошая реклама. Но ведь журнал наш продаётся и в других странах Латинской Америки...

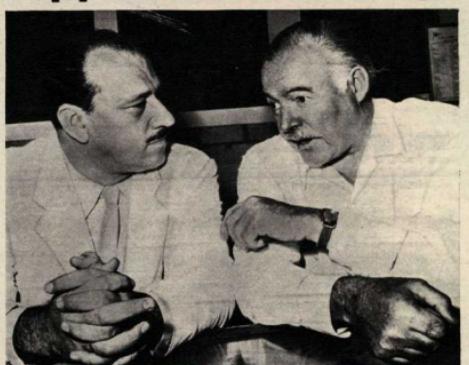
— Да, но и повесть «Старик и море» в ряду лучших произведений Хемингуэя, «Старик и море» вкладывает тем же качеством, что и «Бозмиз». Известные сказки, рубленый, но живой диалог, прямое обращение к фактам, которые в его наиболее выдающихся произведениях вызывали восхищение читателей всего мира... — Хемингуэй на своем ломаном испанском языке совершенно точно воспроизвел две фразы из своего романа «Старик и море».

Слова Кеведо Бузо, которые были опубликованы в журнале «Картелес». Перед тем как в отправился на встречу с Хемингуэем, главный редактор заставил меня проштудировать эту статью, и поэтому мне не трудно было вспомнить, что это именно оттуда. А дальше писатель предложил мне стать в «Бозмиз» — «Старик и море» станет международным трунадром, она породит во многих людях мира желание посетить нашу страну. Куба обязана достойно отметить Эрнеста Хемингуэя за его любовь к нации, обычаям нашей жизни, нашим рыбакам, любовь, которая произвела на свет повесть «Старик и море».

— Я думал, Хемингуэй, назначайте сумму, и делу конец. Вы же сами знаете, что вещь получалась. И довольно. Только поминте, Кеведо сказал, что «мы» не сможем заплатить, что «Лайф». (За право публикации повести писатель получил 30 тысяч американских долларов.) Критики считают, что в повести 27 тысяч слов. Критики считают, что в американской литературе «Старик и море» — наименее высоко оценившее произведение — 1 доллар с ценами за слово).

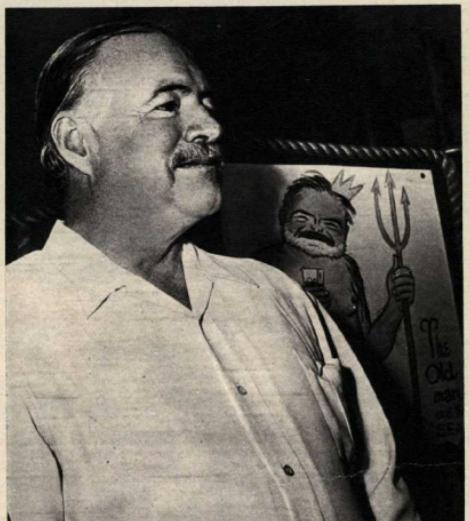
Писатель не мгновение задумался, на лице его появилась лукавая улыбка, и он, ненадолго разглаголяя словами, сказал:

— Хорошо! Моя условия — лучший переводчик, но кубинец и три тысячи песо. На них журнал купит телевизоры для гаванского лепрозория.

ЭТИ ФОТОГРАФИИ ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ. ВЕРХУ — ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ И КУБИНСКИЙ ХУДОЖНИК ХУАН ДАВИД.

ЗАДНИЙ ПЛАН ПРИЧЕСКА ПИСАТЕЛЮ НЕ ПОНРАВИЛСЯ.

Перевод я должен завизировать. Если подходит, позвоните. Я проконсультируюсь с переводчиком, и мы подпишем договор...

Лицо Хемингуэя помрачнило. К стойке подошёл Масагер, автор злой картины. Я хорошо знаю Масагера, писателя карикуатуристом. Случай, который произошёл однажды, хорошо мне запомнился. Мы с друзьями пошли в ресторан «Темплет» по встречи Хемингуэя с его женой. В ресторане находился Понсиано — талантливый негр, композитор и хороший художник. Тогда он заря-

батывал на жизнь тем, что рисовал в общем-то удивительные картины на темы ресторана, которые тут же продавал им за гробы.

Понсиано принял было за мой портрет. Я подозревал его и сказал, что не стану тратить ни сентаво, а вот, мол, известный американский писатель Хемингуэй — это же не писатель, это просто звезда. Понсиано быстро на небольшом листе затянула изобразил писателя за столиком и подошел к Хемингуэю со словами:

— От скромного Понсиано великолепно Хемингуэю.

Тот бросил быстрый взгляд на парт-

рет, молниеносным движением руки выхватил лист и разорвал на части.

— Не умешь! — И Хемингуэй громко выругался по-испански.

Мне стало обидно за Понсиано и за себя, и я уже хотел подняться, чтобы помочь ему, но меня вовремя остановили.

Понсиано, низко опустив голову, сядя на стул.

— У меня не было счастья вашего смысла учиться, — вдруг сказал он неожиданно и направился к выходу.

— Я вообще не люблю мазил. Брось меня в погору тебе, — произнёс он и вслед Хемингуэю.

Понсиано остановился у дверей.

— А вы можете бросить писать?

Сказал это, он вышел, не дожидаясь ответа, а в ресторан вошёлесь лепёвкой тишины.

Минут через десять Хемингуэй подозвал официанта и что-то шепнул ему. Тот отправился на улицу, но было возвращаться и сообщил, что Понсиано там нет. Тогда писатель достал из бумажника купюру достоинством в двести песо и вручил её официанту.

— Но это слишком много, сеньор Хемингуэй,

— Ничего, ничего, передайте...

Когда же Хемингуэй вручали почтную грамоту и медаль на банкете в клубе Наутико, мне запомнился ещё один штрих характера американского писателя.

Приветственную речь произносил генеральный директор Института по туризму. Он законил её поэтическими строками из статьи Бузо, опубликованной в «Картелес». Хемингуэй не сдержал себя и в обе щеки ульянулся.

Я знал наверное причину, но все же пошёл спросить об этом Хемингуэя, и он отвечал:

— Я думал, что только писатели сидят друг у друга. Оказывается, и политики тоже...

О том, как закончилась история с телевизорами для лепрозория, автор этих строк стало известно из рассказов самого Хемингуэя и в «Вечной ярости», которая была свидетельством разговора, состоявшегося между Кеведо и Хемингуэем — один на одном конце провода (в кабинете главного редактора журнала), другой на другом конце (на кухне «Ла Викки», где на Хемингуэя на стене висел старинный, дополненный телефонный аппарат).

— Дон Эрнесто, как вы себя чувствуете? Как здоровье вашей супруги? Рассказывают, что у вас уже больше пятидесяти кошек...

— Вы что, смотрите мою сумму в смокинг?

— Старкраненго говорил, да!

— Старкраненго был прав. Но я ведь не для себя пропашу...

— Понимаю, мистер Хемингуэй. Но мне ведь все равно, кому дадут деньги. Поймите, они уходят из моего кармана. К тому же еще предстоит расплачиваться с переволнением...

В архивах музея «Сан-Ласаро» доказано, что Хемингуэй, подписанный Кеведо и Хемингуэем в январе 1953 года, по которому за право публикации повести в журнале «Бозмиз» первый обязуется выплатить гаванскому лепрозорию «Сан-Ласаро» одну тысячу песо.

Перевод, выполненный кубинским писателем, оказался превосходным. Хемингуэй остался доволен, и повесть «Старик и море» на испанском языке была опубликована в журнале «Бозмиз» 15 марта 1953 года. Через две недели она появилась и на страницах испанского издания журнала «Лайф».

— Папа, — вспоминает Рене Вильярель, — долгое время не разрешал убирать испанский экземпляр «Лайфа» не потому в библиотеку, говоря всем, кто приходил к нему в усадьбу, что его повесть лучше звучит на испанском, чем на английском языке...

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

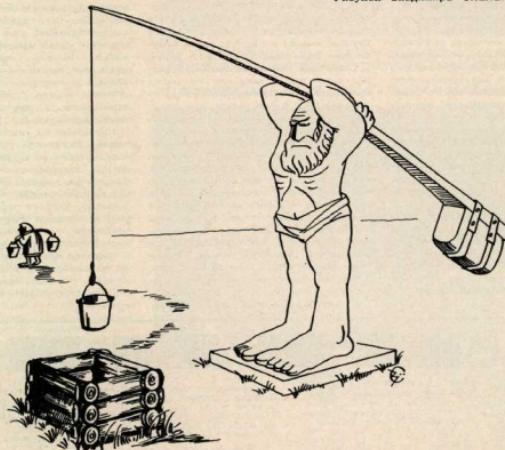
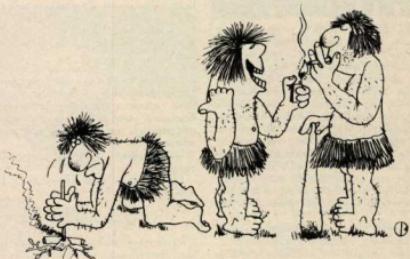

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

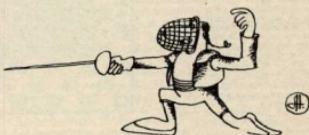

Рисунок Дмитрия МАСТРЮКОВА

Рисунок Станислава АШМАРИНА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

ВЗРОСЛЫЕ ДОЧЕРИ

Слова Николая ДОРИЗО

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Выросли вы невзначай.
В детстве вам матери
Счастье пророчили.
Прочь отвадили печаль.
Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Выросли вы невзначай.

Только бы не были
Вы единокими
После разлук и утрат.
Часто музинны вас
Любят настрогать,
Жены лишь строгих хотят.
Только бы не были
Вы единокими
После разлук и утрат.

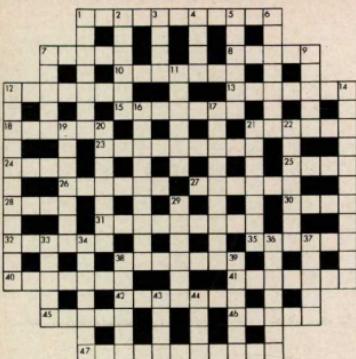
Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Нежны мы вас, как детей.
Только бы имели вы,
Взрослые дочери,
Лучше своим матерей.
Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Нежны мы вас, как детей.

Нас наша молодость
В годы военные
Долго ждала — заикалась.
Видно, поэтому
Очень нам хочется
Видеть счастливых вас.
Дочери, дочери,
Очень нам хочется
Видеть счастливыми вас.

СЛОВОДНО. ЗАДУШИВНО.

ДО-ЧЕ-РЬ, ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ.
ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ ИМ НЕ-ВИ-ЧАЙ. В ДЕСТВЕ РАМ
ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ ИМ НЕ-ВИ-ЧАЙ. В ДЕСТВЕ РАМ
ДО-ЧЕ-РЬ, СЧАСТИЕ ПРО-ЧИХ, ПРО-ЧИХ-ОВ
ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ ИМ НЕ-ВИ-ЧАЙ. ТОЛЬКО ИМ
ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ ИМ НЕ-ВИ-ЧАЙ. ТОЛЬKO ИМ
ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ ИМ НЕ-ВИ-ЧАЙ. ТОЛЬКО ИМ
ДО-ЧЕ-РЬ, БРОДИ ИМ НЕ-ВИ-ЧАЙ. ТОЛЬКО ИМ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Кинорежиссер и сценарист, народный артист СССР. 7.
2. Одна из Большых Антильских островов. 8.
3. Гора, на склоне которой Учитель стоял леса для вырубки. 12.
4. Уборочная машина. 13.
5. Современный писатель. 14.
6. Транспорт в крупном городе. 15.
7. Животное семейства енотовых. 16.
8. Актер театра и кино. 23.
9. Стихотворение А. С. Пушкина. 24.
10. Основная форма изображения изображения. 25.
11. Советский графини, карикaturist. 26.
12. Металлический материал, применяемый для изготовления машиностроительных изделий. 27.
13. Рельефное изображение бункера. 28.
14. Начало дня. 30.
15. Путь из нескольких пунктов, маршрут, совершающим края обходом, самолетом, автомобильным. 31.
16. Адмиралтейский сад. 32.
17. Метеорологический прибор. 33.
18. Притон Енисей. 34.
19. Испанский плюмажист, антическая философия. 35.
20. Павильон, купола которого расположены в виде конусов. 36.
21. Многоугольное травянистое растение. 41.
22. Ствол дерева, начиная от Х и ХI Белых Олимпиад. 42.
23. Печатная форма для воспроизведения изображений. 43.
24. Одни из Индо-европейских языков. 44.
25. Массовые спортивные состязания. 45.
26. Бензиновая машина. 46.
27. Машинное оборудование. 47.
28. Альпийская трава. 48.
29. Внешний покров планеты. 49.
30. Обложка шин. 50.
31. Актирующая, основательница Всероссийского театрально-общественного союза. 51.
32. Весенний месяц. 52.
33. Боец машин. 53.
34. Ягдтиш. 55.

По вертикали:

1. Город на севере Индии. 2. Местность, обитающая в Австралии. 3. Вид мебели. 4. Инертный газ. 5. Жаркое вино. 6. Установка для производства. 7. Перегородка. 8. Благородный металл, извнеющий на Камчатке. 11. Героин пьесы К. А. Тренета. 12. Средство транспорта, применяемое в радиотехнике, автоматике, телевидении. 15. Балерина, лауреат Ленинских премий. 20. Искусственный гигант, достигший высоты в 450 метров. 21. Образец птицы, используемой профессором по преподавательскому составу в азоте. 22. Примечание автора к своему роману. 29. Примечание для овени и ее залога. 30. Отверстие в улье. 34. Цветок. 36. Роман А. Б. Чаковского. 37. Антилопа, обитающая в Африке. 38. Внутренний покров оболочки шин. 39. Антицы, основательница Всероссийского театрально-общественного союза. 43. Весенний месяц. 44. Боец машин. 51.
1. Трап. 2. Декоратор. 3. Заб. 5. Фарада. 6. Сверло. 8. Граница. 9. Немата. 12. Гриппин. 14. Петроград. 15. Герасим. 16. Премия. 17. Альтын. 18. Конаки. 21. Алан. 24. Грузин. 25. Республика. 27. Шахматы. 29. Гайдар. 33. Финик. 34. Трак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 9

По горизонтали:

1. Редискин. 7. Параллель. 10. Грабов. 11. Чечня. 13. Араго. 15. Гаршин. 17. Арабеск. 19. Гриши. 20. «Окна». 22. Борис. 24. Исаев. 24. Окарна. 26. Снейк. 27. Аликанта. 28. Россия. 29. Славянка. 32. Гене. 33. Фаулз. 55. Ва-рауцица.

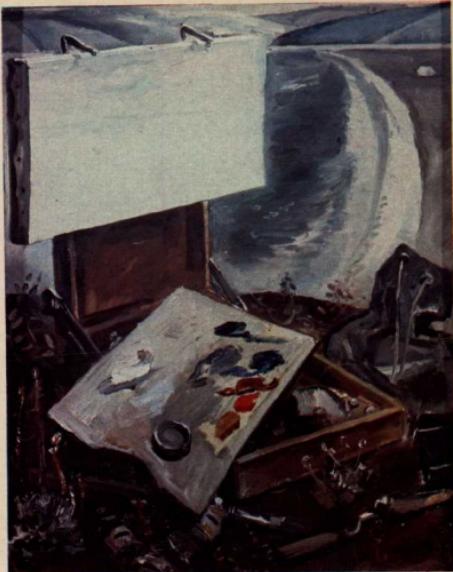
По вертикали:

1. Трап. 2. Декоратор. 3. Заб. 5. Фарада. 6. Сверло. 8. Граница. 9. Немата. 12. Гриппин. 14. Петроград. 15. Герасим. 16. Премия. 17. Альтын. 18. Конаки. 21. Алан. 24. Грузин. 25. Республика. 27. Шахматы. 29. Гайдар. 33. Финик. 34. Трак.

СЕВЕР ЗОВЕТ...

ЗАПОЛЯРНЫЙ АВГУСТ.

СЕВЕРНЫЙ ЭТЮД.

В ДОРОГУ.

БАБУШКА С ВНУЧКОЙ.

На одной из выставок произведений ленинградских художников экспонировалась небольшая, скромная картина...

На вершине сопки, покрытой узорами синевы и зелени, висела старинная тюльпанина. Рядом погрязла в красками, инкиси, тюбинах. В сырой дымке на горизонте виднелись обрывистые берега Таймыра. Скотин нет, неброский полюрит, а скопившою искреннего чувства! Называлась картина «Северный этюд», ее автор — Анатолий Лобода.

С этим художником я познакомился впервые, когда мы, далекий Дудинка, во время путешествия по Таймыру, И был он тогда не художником, а журналистом, работавшим на горно-металлургическом комбинате в Норильске.

— Вы не вы ли художники из Ленинграда?

Обратившись ко мне парень высокого роста, в длинной куртке, с брюкетовыми куртками производил внушительное впечатление. А в конце его было слово «художник». И синие глаза светились так приветливо, что я невольно почувствовал к нему симпатию.

— У нас тут... на Севере, новости быстро разносятся... Не успел позна-

комиться с вами в Норильске и выехал сюда. В том числе и я, тоже уехал из художников к природе, отправился на работу — десять дней дальше... и к вам... Сделен хороший портрет... Всеми миражами мира с собой. Я весь Таймыр знаю — неожиданно.

Он протянул руку и добавил:

— Зовут меня Анатолием, а фамилия — Лобода.

Мы сидели захвачены художественной работой, и, забыв о времени, Дядя Анатолий умудрялся пристроить этюд.

Он очень хотел стать настоящим художником и, закончив обучение в Ленинграде, поступил в художественное училище имени А. Г. Серова. Был принят. Закончил училище и открыл мастерскую.

Влюбленный в Север, Анатолий Лобода и сегодня остается верен Норильску, вместе с геологическими и ботаническими экспедициями путешествует по Сибири, Крайнему Северу, заполярным островам. А Север щедро дарит художнику новые встречи, новые образы и новые темы...

Андрей ЯКОВЛЕВ